

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Не разъ было замѣчено, что главная причина распространенія въ русскомъ обществѣ невыгодныхъ мнѣній о евреяхъ заключается въ невѣдѣніи, въ которомъ находится это общество на счетъ истиннаго положенія евреевъ въ Россіи. Убѣдительнымъ доказательствомъ этого служить наша печать. Между тѣмъ, какъ обо всѣхъ почти племенахъ населяющихъ Россію можно встрѣтить въ нашей литературѣ довольно научныхъ данныхъ, этнографическихъ материаловъ, литературныхъ описаній и т. п.; — о евреяхъ мы не имѣемъ ничего подобнаго. Наша читающая публика до сихъ поръ знаетъ еврея только, какъ тургеневскаго «Жида» или Исаи Фомича въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»; не говоримъ уже о такихъ произведеніяхъ какъ «Выжигинъ» Булгарина. На такое игнорированье еврейства не малое вліяніе оказалось, конечно, то обстоятельство, что мѣста осѣдлости евреевъ далеко отстоять отъ средоточія русской жизни.

Но главная причина лежитъ въ томъ, что и тамъ, гдѣ евреи живутъ сплошной массой среди господствующаго населенія, они известны этому населенію только съ одной стороны, именно экономической. Какъ человѣкъ, глубоко проникнутый известными уображеніями, горячо имъ преданный и жертвующій для нихъ всѣми благами земными; какъ дѣятельный членъ своего общества; какъ строго-нравственный отецъ семейства; — говоря короче, какъ существо нравственное еврей известенъ только въ своемъ тѣсномъ кругу. Христіанинъ знаетъ его только какъ обирающаго его торгаша, фактора, корчмаря; удивительно-ли, что

онъ составилъ себѣ о евреѣ такое дурное понятіе? Удивительно ли, что понятіе, основанное на такомъ одностороннемъ взрѣніи на вещи, такъ глубоко вкоренилось въ умахъ, что отъ него не могли избавиться даже такие люди, какъ напр. Костомаровъ¹⁾?

Ясно поэтому, что лучшимъ средствомъ разсѣять ложныя насы представленія въ русской средѣ можетъ служить обстоятельное разсмотрѣніе въ нашей литературѣ всѣхъ сторонъ еврейской жизни, преимущественно нравственной, наименѣе известной, но весьма важной для сужденія о какомъ-бы то ни было народѣ. Но какъ уловить эту моральную сторону жизни, на какихъ достовѣрныхъ данныхъ основать свои сужденія о ней? Очевидно, что на продуктахъ духовнаго творчества народа, на его вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, языкѣ и обычаяхъ, религіи и правѣ, литературѣ вообще и поэзіи въ особенности. Поэзія народа, больше чѣмъ всѣ другіе упомянутые нами источники, пригодна для достиженія означенной цѣли. Она ярко и рельефно изображаетъ намъ тотъ потаенный внутренній міръ народной жизни, куда не вводить насы ни перо трудолюбиваго историка, ни проницательный глазъ бытописателя.

Понятно, что все сказанное въ такой-же мѣрѣ примѣнимо къ еврейскому, какъ и ко всякому другому народу. Знакомство съ простонародными пѣснями русскихъ евреевъ дѣйствительнѣе, чѣмъ всевозможныя краснорѣчивыя апологіи, можетъ измѣнить во многомъ вкоренившіяся въ умѣ русского предубѣжденія относительно евреевъ.

Но и какая же эта «поэзія русскихъ евреевъ»? съ изумленіемъ спроситъ читатель не-еврей. Такое сочетаніе звучитъ странно въ его ушахъ. Поэзія—это прекраснѣйшій продуктъ народной жизни, совершившее проявленіе его духовнаго творчества, а евреи... это—уродливый памятникъ старины давно отжившей, который только какимъ-то чудомъ удержался до сихъ поръ съ своими обветшающими формами, и которому суждено вскорѣ раствориться и изчезнуть съ лица земли... И неужели у этой дряхлой, лишенной вся-

¹⁾ См. статью его: «Іудеямъ» въ «Основѣ» за 1862 г.

каго исторического смысла массы людей, такъ часто уравниваемой у насъ съ цыганами и кочующими племенами, хватаетъ достаточно жизненной силы, чтобы создать свою народную поэзію? Да, милостивые государи, евреи имѣютъ свою поэзію, вполнѣ своеобразную и замѣчательную. Что произведенія народно-еврейской музы рѣдко отличаются такой художественностью, какая выказывается въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, это вполнѣ естественно. Вспомнимъ, что до присоединенія Польши и возвращенія западнаго края Россіи евреи находились въ положеніи хуже, чѣмъ крѣпостномъ; гдѣ же тутъ могла развиться та молодецкая удаль, та широта мысли и чувства, которая придаетъ такую прелесть русскимъ пѣснямъ? Понятно также, что напрасно стали бы мы искать между еврейскими пѣснями чего нибудь похожаго на русскій народный эпосъ, по недостатку соотвѣтствующихъ явлений въ жизни. Но за то, евреи владѣютъ большимъ количествомъ пѣсень лирическихъ, обнаруживающихъ предъ нами всю ихъ душу, ихъ опасенія и надежды, радости и скорби, и пѣсень бытовыхъ, дающимъ намъ возможность сдѣлать правильную оцѣнку всѣмъ сторонамъ еврейского быта. Разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ пѣсень имѣть особенный важный жизненный интересъ въ видахъ ознакомленія читающей публики съ действительнымъ бытомъ русскихъ евреевъ. Разсмотримъ нѣкоторыя стороны этого быта, насколько онъ затрагиваются въ народныхъ пѣсняхъ евреевъ и ими разъясняются.

I. Прежде всего бросается въ глаза каждому знакомому съ еврейскими пѣснями одна отличительная черта ихъ характера: это глубокая грусть, высказывающаяся при всякомъ удобномъ случаѣ. Очень мало у евреевъ пѣсень веселаго содержанія, большей частью евреи избираютъ сюжетомъ для своихъ пѣсень печальные стороны жизни. Нельзя не замѣтить въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, особенно малорусскихъ евреевъ, нѣкотораго сходства съ пѣснями малорусскими, которые, какъ известно, тоже отличаются заунывнымъ настроениемъ. Но было бы нелѣпо утверждать, что евреи переняли у малоруссовъ это настроеніе для своей поэзіи. Если вся поэзія какого-нибудь народа проникнута грустью, то причину такого явленія слѣдуетъ искать въ быту этого народа, и главнѣйше, конечно,

въ его быту экономическомъ и соціальномъ, но не въ какихъ-нибудь виѣшнихъ вліяніяхъ, и даже не въ его религіи и морали. Такимъ образомъ этотъ скорбный характеръ еврейскихъ пѣсень самъ по себѣ, — еслибъ у насть и не было другихъ болѣе положительныхъ доказательствъ, представляемыхъ самой жизнью, — можетъ наглядно доказать намъ, въ какое печальное положеніе были поставлены у насть евреи.

Изъ извѣстныхъ мнѣ пѣсень особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи одна, подъ названіемъ «Пѣсня о Смерти». Въ ней пѣвецъ начинаетъ указаніемъ на успокоеніе, доставляемое смертью отъ житейскихъ треволненій. Затѣмъ перенесясь на кладбище, онъ предается размышеніямъ, напоминающимъ много (конечно, не по художественному достоинству, но по содержанію) гамлетовскихъ разсужденій о черепѣ. Пѣсня кончается жалобой на суетность людей, всю жизнь копящихъ богатства, которыя, по мнѣнію пѣвца «не имѣютъ никакого достоинства»... За каждымъ четыресташиемъ въ пѣснѣ слѣдуетъ трогательное двустишие.

Братья, жизнь есть сонъ мимолетный,
Человѣкъ ко смерти рожденъ!

II. Важнѣйшимъ разрядомъ еврейскихъ пѣсень надо считать тотъ, который имѣеть своимъ предметомъ жалобы на невзгоды жизни, говоря проще, на бѣдность и необеспеченность. Я считаю эти пѣсни важнѣйшими, во-первыхъ по ихъ эстетическому достоинству, но главнымъ образомъ, по важности тѣхъ выводовъ, которые онъ даютъ намъ для сужденія о бытѣ еврейскомъ. Какъ часто еще и теперь приходится слышать отъ людей несвѣдущихъ и предубѣжденныхъ толки о томъ, что евреи, какъ вампиры, паразиты и т. д. высасываютъ всѣ богатства страны, что Польша и западный край всегда были второй обѣтованной землей евреевъ, и многое въ этомъ родѣ. Мы вполнѣ понимаемъ, какъ сложилось въ крестьянскомъ сословіи понятіе о евреѣ, какъ о человѣкѣ самомъ богатомъ, понятіе, выразившееся въ извѣстной поговоркѣ: гроши якъ у жида... Въ деревнѣ корчмаръ или арендаторъ дѣйствительно былъ богачемъ, и крѣпостному человѣку, почти всегда очень бѣд-

ному и не видавшему ничего кроме своей бѣдной деревушки, естественно было привыкнуть къ мысли, что еврей есть самый богатый человѣкъ въ мірѣ. Но непростительно людямъ пишущимъ, и слѣдовательно образованнымъ, придерживаться и распространять такія грубыя и ограниченныя понятія. Вѣдь задача литературы именно въ томъ и состоитъ, чтобы стать выше узкихъ и ограниченныхъ воззрѣній неразвитой массы и обсуживать жизненные вопросы съ болѣе общей и широкой точки зрењія, чѣмъ это возможно людямъ необразованнымъ... Но я уклонился нѣсколько въ сторону отъ главной мысли, которая состоить въ томъ, что бытовая пѣсни евреевъ очень часто переполнены жалобами на стѣсненное экономическое положеніе. Онѣ поэтому могутъ служить хорошимъ опроверженіемъ упомянутыхъ нами возгласовъ о непомѣрныхъ богатствахъ, будтобы накопляемыхъ евреями.

Между пѣснями этого рода особенной избѣстностью пользуется одна, въ которой воспѣвается жалкое положеніе разорившагося еврейского купечества. Съ видимой ироніей обращается пѣвецъ отъ имени бѣднаго люда къ мнимымъ богачамъ. «Скоро сосватаемся мы съ вами», говорить пѣсня; «снимите ваши украшенія, уплатите долги и вы сравнитесь съ нами». Любопытно также, что пѣсня (очевидно съ насмѣшкой) совѣтуетъ купцамъ спѣшить за помощью къ цадику.

Еще болѣе замѣчательны, по глубинѣ чувства и художественному достоинству, другая пѣсня, съ содержаніемъ которой мы познакомимъ теперь читателя. Молодая дѣвушка жалуется на свою бѣдность. «Хвала Богу Всемогущему! Чего-чего не переносить человѣкъ на свое мѣсто вѣку! Одному живется очень хорошо, другому еще лучше, я же провела мои молодыя лѣта какъ сонъ».—«Пду-ли я на базаръ,—продолжаетъ пѣвица, никто не вѣритъ мнѣ въ долгъ, прихожу я домой и начинаю плакать: господи Боже мой, дай мнѣ чѣмъ жить или умереть! Но вотъ я выхожу себѣ на улицу и встрѣчаю доброго молодца, у него много золота и серебра, лучшаго жениха я себѣ и не желала. Тогда я говорю: великъ Богъ Всемогущій, глупъ человѣкъ невѣрующій; когда терпитъ нужду, онъ отчаивается!»

Эта пѣсня производить сильное впечатлѣніе на умъ слушателя.

Она есть произведение вполнѣ национальное, потому что основная мысль ея, именно, стоическое равнодушіе къ житейскимъ невзгодамъ и безграницная вѣра въ Провидѣніе, обо всемъ пекущееся,—есть воззрѣніе чисто еврейское. Какую связь это воззрѣніе, равно какъ и вообще чрезвычайная религиозность евреевъ, имѣть съ ихъ исторіей и бытомъ, ясно для каждого мыслящаго человѣка, и было-бы неумѣстно здѣсь обѣ этомъ распространяться.

Теперь довольно съ насъ того, что въ разбираемой нами пѣснѣ сказалась вся жизнь еврейского народа, жизнь, лишенная прочной экономической основы, подверженная неисчисляемымъ случайностямъ, и произведенная въ характерѣ евреевъ непреодолимую наклонность вѣрить во все сверхъ-естественнное...

Замѣчательно, что во всѣхъ трехъ разобранныхъ нами пѣсняхъ, какъ и во многихъ другихъ, указывается на необходимость занимать и брать въ долгъ, какъ на большое и неизбѣжное зло. Говорите послѣ этого обѣ экономической самостоятельности евреевъ!

III. Переидемъ къ разсмотрѣнію другаго разряда пѣсень, знакомящихъ насъ съ одной очень важной и почти совсѣмъ неизвѣстной стороной еврейской жизни. Извѣстно, что еврейское населеніе въ Россіи расположено чрезмѣрно густыми массами и очень неравномѣрно (именно, оно все почти сосредоточивается въ городахъ). Отъ этой густоты происходитъ вредная для благосостоянія края и невыносимая для самихъ евреевъ конкуренція во всѣхъ доступныхъ евреямъ промыслахъ и занятіяхъ. Значительная часть еврейского населенія, и понятно, что самая смышленая и энергическая часть, побуждается этимъ къ переселенію въ другія мѣстности. Во всѣхъ странахъ свѣта отъ Нового Южнаго Валлиса до Американскихъ Штатовъ (гдѣ ихъ особенно много) и до закоулковъ Лондона (гдѣ «польскіе евреи» составляютъ особую общину) можно встрѣтить этихъ бѣглецовъ отъ нужды безвыходной. Но главнымъ образомъ потокъ этого выселенія устремляется на югъ Россіи, менѣе заселенный и представляющій болѣе ресурсовъ для промышленной дѣятельности. Съ недавняго времени выселеніе это находить себѣ другое направленіе, именно, во внутрь Россіи. Такъ мы знаемъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ теперь есть уже значительное еврей-

ское население, количества которого быстро возрастаетъ. Тоже замѣчается и по всей Россіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ этого важнаго явленія, никакихъ статистическихъ данныхъ о его размѣрѣ, сколько мнѣ известно, о немъ даже не упомянуто было до сихъ поръ печатно. Любопытно поэтому остановиться хоть на тѣхъ неопределенныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ предметѣ, какія можно почерпнуть изъ народныхъ пѣсень еврейскихъ. Но прежде слѣдуетъ еще сказать, что кромѣ бѣдности есть и другая причина такого выселенія евреевъ. Это — несчастія семейной жизни. Извѣстно, что евреи женятъ своихъ дѣтей очень рано, и обыкновенно безъ ихъ спросу. Оттого несчастные браки и разводы составляютъ у евреевъ явленія самыя обыденныя. Эти семейныя непріятности заставляютъ многихъ молодыхъ людей бросать женъ, нерѣдко и дѣтей, и искать счастья на чужбинѣ. Каждый южнорусскій еврей видѣть передъ собой многихъ такихъ бѣглыхъ отъ тяжести брачныхъ узъ. Въ каждомъ номерѣ любой еврейской газеты, особенно въ «Гамагидѣ», распространенному по всему земному шару, вы встрѣчаете родителей отыскивающихъ своихъ дѣтей, братьевъ — своихъ братьевъ, но особенно женъ, отыскивающихъ своихъ мужей, и гдѣ бы вы думали? — въ Англіи, Америкѣ и Австраліи. И такъ какъ еврейскіе религіозные законы относительно вступленія во второй бракъ женамъ, оставленнымъ своими мужьями, — эти жены называются агуносы, то есть несчастныя, — очень строги, то положеніе такихъ женщинъ обыкновенно бываетъ самое плачевное. Сообразивъ это, мы поймемъ, отчего такъ много у евреевъ пѣсень, оплакивающихъ судьбу брошенной жены. Въ одной пѣснѣ жена говоритъ оставившему ее мужу: «ты связалъ меня по рукамъ и ногамъ и оставилъ одну стоять». Кто знакомъ съ еврейской жизнью, тотъ знаетъ сколько правды въ этомъ горькомъ упрекѣ. Въ другой пѣснѣ жена жалуется на отсутствіе извѣстій отъ мужа, потомъ обращается къ птичкамъ перелетнымъ съ просьбой о передачѣ вѣсточки отъ нея мужу. Потомъ она просить объ этомъ же купцовъ переѣзжихъ (черта чисто еврейская). «Кабы я имѣла кры-

лышки, я къ тебѣ полетѣла бы; кабы была рѣчка, я къ тебѣ по-
текла бы; пусть увидѣлъ бы ты мое растерзанное сердце!»

Замѣчательно, что въ этой пѣснѣ жена просить птичекъ при-
нести ей отъ мужа деньги. Видно бѣдность была главный мотивъ
этой пѣсни. Въ другихъ, болѣе указывается на горечь обманутой
любви.

Подобные мотивы и образы встречаются очень часто въ про-
изведеніяхъ народно-русской поэзіи (вспомнимъ напр. плач кня-
гини Ярославы въ «словѣ о полку Игоревѣ»), и можно было бы
поэтому предполагать, что еврейскія пѣсни составлены подъ влія-
ніемъ русскихъ воззрѣній, что очень возможно; но какъ эти же
мотивы не чужды и другихъ народныхъ литературъ, то въ нихъ
скорѣе слѣдуетъ видѣть результатъ извѣстныхъ понятій, свой-
ственныхъ всѣмъ народамъ на опредѣленной ступени развитія, пмен-
но, когда человѣкъ, стоя ближе къ природѣ, оживотворяетъ въ
ней все и во всемъ видитъ свое подобіе.

Межу семейными пѣснями евреевъ стоитъ остановиться на
тѣхъ, которые воспѣваютъ горесть разлуки родителей съ вступаю-
щими въ бракъ дѣтьми.

Одна изъ такихъ пѣсенъ, записанная мною, проникнута непод-
дѣльнымъ чувствомъ и отличается истинно поэтическимъ характе-
ромъ. Въ ней за каждымъ четыресташиемъ слѣдуетъ русскій при-
пѣвъ:

Плачь, плачь, не поможется,
Стоять кони на дорозѣ!

Есть и такія пѣсни, въ которыхъ молодая дѣвушка жалуется
на то, что ее разлучаютъ съ милымъ и принуждаютъ выйти за
другого. «Отецъ, поется въ одной пѣснѣ, обѣщалъ выдать меня за
ешивника (талмудическаго ученаго); мать же—за молодца умнаго,
не-ученаго»... Знаменательны заключительныя слова пѣсни: «чѣмъ
больше ищемъ и перебираемъ (жениховъ или невѣсть), тѣмъ ско-
рѣе попадаемъ въ бѣду!» Здѣсь мы опять сталкиваемся съ фата-
лизмомъ.

Вообще семейныя пѣсни евреевъ важны для насъ тѣмъ, что

далъше другихъ заводятъ нась во внутренній міръ еврейской жизни. Въ нихъ находятъ себѣ исходъ чувства, подавляемыя несчастіями семейныхъ отношеній. Стоитъ послушать нѣсколько такихъ пѣсень, чтобы убѣдиться въ томъ, что еврейскія сердца нечужды «благородныхъ чувствъ любви, самоотверженія, ревности и т. п. качествъ».

IV. Есть еще у евреевъ особый разрядъ пѣсень, заслуживающихъ нашего полнаго вниманія. Это—пѣсни о рекрутчинѣ.

Въ этихъ пѣсняхъ говорится о горечи разлуки съ семьей и объ опасностяхъ войны, что поется и въ русскихъ солдатскихъ пѣсняхъ. Мною записана одна замѣчательная пѣсня на испорченномъ малорусскомъ и еврейскомъ жаргонѣ, въ которомъ еврейка-солдатка оплакиваетъ своего мужа, умершаго подъ Севастополемъ. Для образца приведу ея окончаніе (малороссійское).

Идите, дитки, горевать (т. е. трудиться),
Старую мати годовать (кормить),
Старую мати середышка (сердечко) годовать!

Слѣдовало бы еще указать на тотъ родъ еврейскихъ пѣсень, въ которыхъ выражается ихъ міросозерцаніе, ихъ взглядъ на свою судьбу, свой быть и т. д. Но къ сожалѣнію, мнѣ не удалось настолько ознакомиться съ этими пѣснями, чтобы быть въ состояніи произнести о нихъ точное сужденіе. Укажу на одну характеристическую черту. Въ одной пѣснѣ, имѣющей видъ диспута о вѣрѣ между хасидомъ (набожнымъ) и апикоресомъ (невѣрующимъ), послѣдній указываетъ на неблаговидность обряда дѣланія восковыхъ свѣчъ на Іомъ-кипуръ (день умилостивленія); хасидъ на это возражаетъ: «но еслибы ты слышалъ, съ какими слезами и молитвами эти свѣчи дѣлаются» и т. д. Здѣсь очевидно выступаетъ на видъ тотъ нравственный стимулъ, которымъ насквозь проникнута вся жизнь евреевъ. Безчисленное множество мелочнѣйшихъ предписаній, обычаевъ и обрядовъ, на каждомъ шагу опутывающихъ жизнь еврея, предстанетъ предъ нами въ другомъ свѣтѣ, если будемъ смотрѣть не только на ихъ виѣшнюю сторону (какъ это обыкновенно дѣлаютъ), а обратимъ внимание и на внутренній

мотивъ этихъ пустыхъ формальностей, именно, на глубокую и почти безпримѣрную привязанность еврейскаго племени къ формамъ быта, выработаннымъ и выстраданнымъ вѣковымъ его развитіемъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о художественномъ достоинствѣ еврейскихъ пѣсень. Выше было уже замѣчено, что эпическихъ пѣсень у евреевъ нѣть, да и не можетъ быть, потому что жизнь ихъ не представляетъ никакихъ матеріаловъ для подобнаго рода произведеній. Есть, правда, у евреевъ большія стихотворенія, воспѣвающія замѣчательныя библейскія событія (напр. объ Агасферѣ и Эсөири¹⁾), но, чуждыя жизни, онъ лишены и поэзіи.

По такой же причинѣ еврейскія пѣсни вообще бѣдны элементомъ фантазіи, всѣмъ тѣмъ, что навѣвается непосредственно природой, пластичностью формъ, образностью въ содержаніи. Еврей по преимуществу житель городской, его образъ жизни и занятія слишкомъ далеки отъ природы, вотъ почему въ его духовномъ творчествѣ преобладаетъ сторона субъективная надъ объективной, идеализмъ надъ реализмомъ.

Тѣмъ не менѣе еврейскія пѣсни не совсѣмъ лишены образности. Такъ одна пѣсня тоскующей супруги начинается такъ:

Въ печкѣ горитъ огонекъ,
Изъ камина выходить дымъ.
Какъ вспомню про милаго друга,
Душа рвется изъ тѣла вонъ.

Въ другой еврейской пѣснѣ мужъ, увозя жену отъ родителей, говоритъ ей:

Туда, гдѣ вѣтры не вѣютъ,
Гдѣ пѣтухи не поютъ,
Туда должна ты ѿхать,
Тамъ должна ты быть.

¹⁾ Объ этомъ же предметѣ у евреевъ существуетъ и народная комедія въ лицахъ, единственное почти проявленіе древняго драматического творчества евреевъ.

Еврейскія пѣсни отличаются еще большей искусственностью, въ нихъ чаше отражается личность автора, чѣмъ сколько это вообще бываетъ въ народной поэзіи. Причина та, что жизнь евреевъ болѣе индивидуализирована, какъ у другихъ народныхъ массъ, живущихъ на своей родной землѣ болѣе однообразно и тѣснѣе связанныхъ.

Вотъ все, что я могу сказать обѣ этомъ предметѣ, при наличномъ матеріалѣ, очень скучномъ и необработанномъ. Восполнить пробѣлы настоящаго очерка предоставлю другимъ, располагающимъ большими средствами и знаниемъ дѣла.

ИСТОРИЯ ВЫКЛЮЧКИ.

(быль, разсказанная моимъ приятелямъ).

Происшествіе, которое я хочу разсказать здѣсь, случилось въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ исторіи русскихъ евреевъ.

Положеніе евреевъ въ губерніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ, съ давнихъ поръ было незавидное; да иначе и быть не могло: всѣ тѣ причины, которыя обусловливали жалкое и безнадежное положеніе евреевъ въ западной Европѣ вообще, существовали и въ Польшѣ, и чуть ли не въ большихъ еще размѣрахъ. Польское шляхетство, гордое и своевольное, глубоко презирало бѣднаго жида—бездомнаго скитальца, безъ роду и племени. Къ чувству презрѣнія тѣмъ чаще присоединялась ненависть, что шляхтичъ, сознавая все свое превосходство надъ бѣднымъ жidомъ, однако хорошо понималъ, что не можетъ безъ послѣдняго обойтись. Католическое духовенство, вообще склонное видѣть въ евреѣ упрямого еретика и врага Христова, въ свою очередь не мало способствовало униженію евреевъ, тѣмъ болѣе, что его вліяніе въ Польшѣ было сильное и могущественное. Крестьяне, подавляемые и угнетаемые панами чрезъ посредство арендаторовъ евреевъ, вымещали свое негодованіе и злобу на жидѣ. Правда, ихъ ненависть, при беспомощности ихъ положенія, казалась не очень опасною для евреевъ, но на самомъ дѣлѣ она была въ сто разъ опаснѣе того чувства полу-презрѣнія, полу-ненависти, съ которымъ обыкновенно относился къ еврею польскій панъ. Шляхтичъ любилъ потешиться надъ евреемъ, всячески унижалъ и оскорблялъ его, но въ тоже вре-

мя бросалъ ему подачку; но онъ нисколько не склоненъ быть совершию лишиться еврея, потому что послѣдній служилъ для пана бездонной бочкой, въ которую онъ опускалъ руку по мѣрѣ надобности. Не такова была ненависть народная, постоянно усиливавшаяся вслѣдствіе новыхъ тѣсненій евреевъ-арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, и долго скрываемая, питаемая втихомолку, а потому тѣмъ ужаснѣе прорывавшаяся наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Эти взрывы народнаго мщенія, правда, случались не часто, но когда они случались, они угрожали совершенной гибелью сынамъ Израиля, и горько поплачивались тогда послѣдніе за корыстолюбіе и безчеловѣчность пановъ, которые своими постоянными и бесчестными поборами съ евреевъ побуждали послѣднихъ безъ зазрѣнія совѣсти обирать крестьянъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть чѣмъ удовлетворить алчности пана.

Таково было положеніе евреевъ въ Польшѣ и западнорусскихъ губерніяхъ, во время ихъ самостоятельности; оно не улучшилось по присоединеніи ихъ къ Россіи. Къ прежнему гнету шляхетства присоединился еще гнетъ административный, тѣмъ болѣе тяжкій, что прикрывался эгидой законности. Всякій, сколько нибудь власть имѣющій, сидѣль рѣшительнымъ сатрапомъ въ еврейскомъ городишкѣ. «Владычество исправниковъ, становыхъ приставовъ и засѣдателей въ жицовыхъ мѣстечкахъ не имѣло предѣловъ, алчность не знала границъ»¹⁾. — Подъ этимъ-то гнетомъ польскій еврей исказился въ то уродливое, жалкотрусливое и въ тоже время безгранично-алчное существо, которое у насъ привыкли называть жидомъ, и котораго послѣднимъ—надѣемся—представителемъ въ русской литературѣ служить тургеневскій «Жидъ». — При такихъ условіяхъ влачили свою жалкую жизнь польскіе евреи до восшествія на престолъ императора Николая, когда къ прежнимъ страданіямъ, съ которыми евреи уже немногого свыкались, присоединились новые. Русское правительство обратило тогда въ первый разъ вниманіе на ненормальность экономического быта западнаго края, гдѣ сильнѣшіе по произволу давили и угнетали слабѣйшихъ. Оно вѣрно оцѣ-

¹⁾ Слова О. А. Рабиновича.

нило всю громадность вреда, наносимаго евреями интересамъ сельскаго населенія, но не вникло въ причины, породившіе это явленіе, а потому, вмѣсто того чтобы вырвать зло съ корнемъ, и посредствомъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ и дозволенія имъ селиться во всей Россіи сдѣлать ихъ полезными гражданами, давъ имъ возможность жить честнымъ трудомъ,—вмѣсто всего этого правительство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ, и такимъ образомъ, и безъ того жалкое положеніе польскихъ евреевъ сдѣлалось просто невыносимымъ. Самой важной изъ этихъ мѣръ должно считать изгнаніе евреевъ изъ деревень и запрещеніе имъ селиться въ нихъ впредь. Эта мѣра отняла у значительной доли еврейскаго населенія всѣ средства къ жизни и, сгустивъ безъ того густое населеніе еврейскихъ мѣстечекъ, породила то повальное нищество и ту изумительную способность жить ничѣмъ, которая и до сихъ поръ составляютъ главную черту жизни польскихъ евреевъ, и которымъ по справедливости удивляются всѣ имѣвшіе случай посетить западный край.

Не менѣе поразили евреевъ указы, клонившіеся къ сближенію ихъ съ нееврейскимъ населеніемъ, какъ-то: о снятіи ихъ национальной одежды и замѣненіи ея европейской, о сбритіи пейсовъ и т. п. Они смотрѣли на эти мѣры недовѣрчиво и враждебно, видѣли въ нихъ явное намѣреніе перекрестить всѣхъ евреевъ, то есть лишить ихъ религіи. Ходили слухи о томъ, что правительство будто-бы намѣreno помѣстить всѣхъ взрослыхъ еврейскихъ дѣвушекъ на фабрики, а мальчиковъ забрать въ солдаты,—вслѣдствіе чего спѣшили выдавать маленькихъ дѣвченокъ замужъ: это событие известно у евреевъ подъ именемъ «Бегулесъ» (терроръ)—словомъ, евреи были страшно напуганы этими указами: да и могло ли быть иначе при томъ жалкомъ суевѣріи, въ которомъ они коснулись и которое необходимо вытекало изъ ихъ гражданскаго и экономического положенія? Но самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ несчастій, перенесенныхъ тогда евреями, была, безъ сомнѣнія, рекрутчина. Давно отвыкшій пользоваться правами гражданства, а потому и не считавшій себя никогда гражданиномъ родной земли,—еврей естественно долженъ былъ военную службу считать для себя боль-

шимъ несчастіемъ, даже при выгоднѣйшихъ условіяхъ; но при невозможности выслуги, при частыхъ и усиленныхъ наборахъ, причемъ брали и дѣтей, при законахъ о кантонистахъ, въ силу которыхъ дѣти солдата со всѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ обречены были на вѣчную службу; при законѣ «о пойманникѣ», по которому каждый еврей, обязанный идти въ солдаты, могъ вмѣсто себя поставить первого встрѣчнаго еврея безъ паспорта — при всѣхъ этихъ условіяхъ рекрутчина приводила евреевъ въ отчаяніе и еще болѣе укрѣпила ихъ въ мысли о якобы враждебныхъ противъ нихъ цѣляхъ правительства.

Въ началѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія наборы рекрутъ изъ евреевъ сдѣлались особенно часты и жестоки. Случалось по два раза и болѣе въ годъ давать по 10 съ тысячи. Уныніе и отчаяніе распространялись повсемѣстно. Ловцы — или ловщики, какъ ихъ называли евреи, посланные отъ многихъ кагаловъ для отыскыванія скрывающихся очередныхъ и пріисканія пойманниковъ, такъ и сновали по всѣмъ заселеннымъ евреями мѣстамъ Россіи. Они дѣйствовали съ неимовѣрною жестокостью, крадя дѣтей, хитростью или силой отнимая у первого попавшагося простака паспортъ, чтобы потомъ сдѣлать его пойманникомъ. Можно себѣ представить, какъ сильны были страданія евреевъ, породившія такія уродливыя общественные явленія, какъ «ловцы»!.. Я самъ чуть было не сдѣлался жертвой этой рекрутчины, и исторія о томъ, какъ я выпутался изъ этого незавиднаго положенія, настолько интересна и поучительна, что ее стоитъ передать. Я расскажу ее безъ всякихъ прикрасъ, съ вѣрностью малѣйшимъ подробностямъ, глубоко врѣзвшимся въ мою память.

Отецъ мой жилъ въ Ростовѣ на Дону, честно занимался торговлей, и хотя не былъ богатъ, но пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, и мы были бы вполнѣ счастливы, еслибы надъ головами нашими не висѣлъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, «страхъ идущаго вдали приема». Дѣло было вотъ въ чемъ. Отецъ мой былъ уроженцемъ западнаго края и былъ приписанъ къ еврейскому мѣщанскому обществу (Звенигородскаго уѣзда, Киевской губер-

нії) мѣстечка Златополя; семейство наше стояло на очереди. Зная это, мы были въ постоянномъ страхѣ. Роковыя слова: пріемъ, очередь, рекрутъ не выходили изъ нашей памяти и служили тѣмъ для нескончаемыхъ разговоровъ и предметомъ горькихъ думъ и опасеній для нашей семьи. Но думами да опасеніями отдѣляться было невозможно: обѣ этомъ все чаще и чаще начали напоминать намъ грозныя отношенія златопольского кагала, по поводу нового набора въ 185... году. Отецъ мой рѣшилсяѣхать въ Златополь хлопотать, сколько хватить силъ; но если хлопоты не помогутъ? Нужно будетъ отдать сына: — потому что о помайнице отецъ мой, какъ человѣкъ честный и притомъ мягкосердечный, не хотѣлъ и слышать. Приходилось отдать сына, но у отца моего ихъ было двое — я (мнѣ было тогда 19 лѣтъ) и старшій братъ мой, за годъ предъ тѣмъ женившійся. Родители мои хотѣли лучше жертвовать, въ случаѣ крайности, старшимъ сыномъ: онъ былъ простоватъ, скорѣе обѣщалъ быть батланомъ¹⁾, чѣмъ человѣкомъ дѣловымъ, да и женился-то онъ не совсѣмъ съ ихъ согласіемъ; между тѣмъ какъ я былъ мальчикомъ живымъ и бойкимъ и тогда уже принималъ значительное участіе въ дѣлахъ моего отца. Начавшие стараться родители стали видѣть во мнѣ подмогу на старости лѣтъ. Но я рѣшительно воспротивился такой волюющей несправедливости, представляя различные доводы, между которыми главный былъ тотъ, что я холость и что, слѣдовательно, съ моей жизнью не связана ничья другая, а потому мнѣ легче будетъ переносить мои страданія; между тѣмъ какъ отдача брата въ рекруты навѣки погубить его ни въ чемъ неповинную жену и единственное дитя. Родители долго не соглашались; особенно много пришлось мнѣ бороться съ матерью, которая никакъ не могла помириться съ мыслью о вѣчной разлукѣ со мной, ея любимымъ сыномъ. Но я былъ непреклоненъ и настоялъ таки на своемъ. Запасвшись деньгами, на сколько могли, мы поѣхали съ отцемъ въ Златополь. На дорогѣ намъ то-и-дѣло встрѣчались ловщики, зорко

¹⁾ Батланъ — непрактичный, недѣловой, иногда ученый человѣкъ.

слѣдившіе за всѣми проѣзжавшими евреями, нѣть-ли между ними бѣглыхъ, беспаспортныхъ и т. п.? Съ ужасомъ и внутреннимъ содраніемъ всматривался я въ ихъ зловѣщія лица, не предвѣшавшія мнѣ ничего хорошаго...

Наконецъ мы прѣѣхали въ Златополь, и первой нашей заботой, разумѣется, было взяться за дѣло. А дѣла было много: нужно было склонить на свою сторону съ одной стороны ближайшее начальство, преимущественно доктора, а съ другой — кагаль, озлобленный на моего отца за то, что послѣдній вырвался изъ своей прежней среды и жилъ гдѣ-то на лучшей сторонѣ. Кагаль не могъ простить моему отцу и того, что послѣдній намѣревался сдѣлаться купцомъ, чтобы избѣгнуть рекрутчины. Меня самого кагаль тоже не долюбливалъ. До него дошли слухи о моей европейской одеждѣ и свободномъ образѣ мыслей. Все это нужно было уладить, успокоить, а кой гдѣ и подмазать. Отецъ мой, мало знавшій русскій языкъ и не привыкшій таскаться по присутственнымъ мѣстамъ, досталъ себѣ ходатая, иѣкоего ребѣ Шлойме, славившагося въ мѣстечкѣ своимъ знаніемъ русскаго языка. Они раздѣлили между собою работу. Отецъ мой взялъ на себя переговоры съ кагаломъ, а р. Шлойме обѣщалъ уладить дѣло съ начальствомъ. Наступило мучительное время для моего отца: какъ шальной бѣгалъ онъ по городу по цѣлымъ днямъ, бросалъ деньгами, кланялся и унижался предъ всемогущими гвирами (богачами), власть которыхъ въ еврейскихъ городкахъ и мѣстечкахъ не имѣла тогда границъ. Они кормили его обѣщеньями, но ничего не дѣлали. Я между тѣмъ сидѣлъ взаперти и никогда не выходилъ, опасаясь насильственныхъ мѣръ со стороны кагала. Я проводилъ время въ грустномъ одиночествѣ, томительно ожидая исхода моего печальнаго положенія. Насталъ день приема. Наканунѣ я мало спалъ ночью и всталъ рано утромъ. Я вспомнилъ, что этотъ день навѣки решить мою участь, что отъ него зависитъ — быть ли мнѣ свободнымъ человѣкомъ, или навѣки разстаться съ моимъ семействомъ. Хотя р. Шлойме и увѣрялъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше, что мѣстная власти на нашей сторонѣ, а докторъ обѣщалъ меня забраковать, но я сильно беспокоился. Я началъ припоминать

все слышанное мною о ходѣ дѣла: двухсмысленные отвѣты кагала, лукавые и запутанные разсказы нашего ходатая, и сомнѣнія мои еще болѣе усилились. Скоро пришелъ р. Шлеймеле вести меня къ приему. Я далъ ему понять мои опасенія и высказалъ желаніе самому побывать у доктора—увѣриться, дѣйствительно-ли онъ держитъ нашу сторону. Желаніе это очень не понравилось моему ходатаю; онъ лѣзъ вонъ изъ кожи, чтобы доказать мнѣ безполезность и даже вредность такого поступка. «Кагалъ можетъ узнать—говорилъ онъ между прочимъ—о вашемъ посѣщеніи доктора, дать знать властямъ и забраковка признана будетъ недѣйствительной». Разумѣется, его адвокатское краснорѣчіе нисколько меня не убѣдило, но напротивъ возбудило во мнѣ еще больше подозрѣнія. «Р. Шлойме—сказалъ я—если вы со мной не пойдете, то я самъ пойду къ доктору». Хитрый р. Шлойме не сталъ болѣе противорѣчить, и мы отправились къ доктору. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ университетѣ. Когда мы вошли къ нему, я съ отцомъ сѣли въ передней, а р. Шлойме—въ первый разъ, какъ я узналъ послѣ—зашелъ къ нему въ комнату. Онъ пробылъ тамъ около четверти часа, а потомъ вышелъ къ намъ вмѣстѣ съ докторомъ. Посмотрѣвъ на меня, докторъ бросилъ недоумѣвающій взглядъ на р. Шлойме, увѣрявшаго его, что я калѣка, больной и никуда не гожусь. Онъ велѣлъ мнѣ раздѣться, что я исполнилъ. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ и не нашедъ во мнѣ никакого тѣлесного недостатка, докторъ обратился къ моему ходатаю, стоявшему тутъ-же въ уголку повѣся голову. «Да какъ ты смѣлъ, мерзавецъ, меня обманывать? Съ чего ты взялъ, что я измѣню моей присягѣ царю и отечеству и забракую такого здороваго парня? Вы хотите, чтобъ меня подъ судъ отдали!» Долго говорилъ онъ еще въ этомъ тонѣ и заключилъ слѣдующими словами: «Вонъ отсюда, и не смѣйте мнѣ показаться на глаза до приема! Можете себѣ представить, въ какомъ расположениіи духа мы вышли оттуда. По выходѣ отъ доктора сердце р. Шлойме видимо было тронуто; онъ сознавалъ всю свою виновность предъ нами и, подумавъ немнogo, сказалъ: «есть еще средство уладить дѣло, попробуемъ». Средство состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать на доктора черезъ стряпча-

го, который жилъ въ его, р. Шлойме, домѣ и оказывалъ ему всякое покровительство.

На этотъ разъ р. Шлойме не обманулъ насъ, и старанія его, при помощи всемогущаго золота, увѣнчались успѣхомъ. Докторъ обѣщалъ забраковать меня, и я тогда только пошелъ къ приему, когда въ этомъ вполнѣ убѣдился. Большая комната, назначенная для приема, была полна рекрутами; на дворѣ и на улицѣ раздавались крики, вопли и рыданія ихъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей. Почти на всѣхъ лицахъ выражалось уныніе и отчаяніе. Наконецъ пришелъ докторъ. Рекруты начали раздѣваться и онъ ихъ осматривалъ. Одни съ восторгомъ отходили прочь, а другихъ отдавалъ цирюльнику... Лобъ! лобъ! лобъ!—раздавалось по комнатѣ. Слова эти всякий разъ сопровождались раздирающими сердце воплями въ передней, воплями, отъ которыхъ замирали сердца присутствующихъ, не исключая самихъ чиновниковъ. Одинъ только цирюльникъ, привыкшій къ подобнымъ сценамъ, и сердце котораго, казалось, было холоднѣе стали его бритвы, безчувственно принималъ рекрутъ и молча дѣлалъ свое дѣло, не обращая никакого вниманія на происходящее вокругъ него... Наконецъ очередь дошла до меня, и докторъ, такъ напугавшій меня утромъ, ловко сыгралъ свою новую роль. Осмотрѣвъ меня, онъ обратился къ чиновникамъ и патетически произнесъ: «какихъ негодныхъ рекрутъ они приводятъ! Чему онъ только не подверженъ?» продолжалъ онъ, указывая на меня, и пошелъ исчислять всѣ тѣ болѣзни, которымъ я подверженъ. Само собою разумѣется, что его слова были для меня и для всего присутствія китайской грамотой. Докторъ еще долго говорилъ на эту тѣму, но мнѣ было не до его сценическихъ способностей. Не считая себя безопаснымъ въ Златополѣ, такъ какъ кагаль имѣлъ право представить меня въ другой приемъ, гдѣ меня бы конечно не забраковали, я изо всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы поскорѣе достать свидѣтельство о забраковкѣ, и такъ какъ мнѣ нужно было укрыться отъ кагала, который, зная о мѣстѣ моего пребыванія, при каждомъ наборѣ могъ меня вытребовать, то я поѣхалъ оттуда съ первой оказіей въ Кременчугъ, о которомъ зналъ тогда столько же, сколько о Парижѣ.

Прошло два года. Я началъ уже забывать о Златополь и моемъ пребываніи въ немъ; но златопольское еврейское общество не дремало и не забыло обо мнѣ. По существовавшему тогда закону, если очередной подвергался троекратной отмѣткѣ въ неявкѣ къ очереди по вызову кагала, то кагаль имѣлъ право безотчетно отдать его въ рекруты. Пользуясь этимъ правомъ и желая имѣть во мнѣ вѣрнаго рекрута на будущее время, златопольскій кагаль, не вызывая меня, ставилъ мнѣ роковыя отмѣтки. Насталъ 185... годъ. Слухи о новыхъ еще болѣе усиленныхъ наборахъ и опасенія пагубныхъ отмѣтокъ не на шутку всполошили нашу семью. Желая разъ навсегда покончить съ висѣвшей надъ нашимъ домомъ грозой, отецъ мой рѣшился еще разъ поѣхать въ Златополь и, во что бы то ни стало, выхлопотать себѣ выключку и сдѣлаться ростовскимъ купцомъ. Онъ поѣхалъ, взявъ съ собой весь свой незначительный капиталъ, состоявшій изъ 800 рублей. Прошло три мѣсяца со времени его отѣзда. Въ письмахъ своихъ онъ извѣщалъ нась, что дѣло идетъ хорошо, что кагаль согласился дать ему выключку за 600 рублей, что эти деньги онъ уже отдалъ имъ, но что выключка по нѣкоторымъ обстоятельствамъ еще не готова. Но судя по тому, какъ долго тянулось дѣло и основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ письма отца, я начиналъ догадываться, что отецъ мой, человѣкъ прямой и неопытный въ кляузахъ, просто напросто обманутъ кагаломъ. Чѣмъ болѣе длилось дѣло, тѣмъ болѣе росли и крѣпли мои подозрѣнія. Мучимый неизвѣстностью, я—тогда коми въ одномъ значительномъ торговомъ домѣ въ Одессѣ—рѣшился бросить мои дѣла и самому поѣхать въ Златополь. Извѣстивъ объ этомъ отца и взявъ съ собою сколько возможно денегъ, я пустился въ путь. Для развлечения на дорогѣ я взялъ съ собою двухъ отставныхъ солдатъ изъ евреевъ, шедшихъ домой съ Кавказа. Я сказалъ уже, что кагаль имѣлъ право насильно отдать меня въ рекруты, а потому я рѣшился прїѣхать въ Златополь инкогнито. Съ этой цѣлью я вѣхалъ въ городъ ночью, и на еврейскомъ постояломъ дворѣ—другихъ не было въ городѣ—я выдалъ себя за русскаго купца, бѣдущаго въ Смѣлу (мѣстечко въ Киевской губерніи) покупать сахаръ для арміи, чтобы такимъ обра-

зомъ избѣгнуть разспросовъ. Средство это однако оказалось недостаточнымъ; хозяинъ неудовлетворился моимъ показаніемъ и освѣдомлялся у солдатъ, моихъ спутниковъ: кто я и чѣмъ занимаюсь. Но я и это предвидѣлъ и строжайше наказалъ имъ — не проболтаться. Въ полночь я расплатился съ хозяиномъ и выѣхалъ со двора. Чтобы еще болѣе увѣрить хозяина въ томъ, что я ѿду въ Смѣлу, я спросилъ у него дорогу. Недовольствуясь объясненіемъ, онъ вышелъ за ворота показать мнѣ дорогу — очевидно для того, чтобы посмотреть, куда я ѿду. Я пойхалъ въ указанную имъ сторону и проѣхалъ по этому направлению нѣсколько верстъ, а потомъ уже поворотилъ назадъ, направился въ городъ съ другой стороны и заѣхалъ къ знакомому мнѣ еврейскому купцу. Такимъ образомъ я, кажется, принялъ всевозможныя предосторожности, чтобы остаться неизвѣстнымъ златопольскимъ евреямъ; но прыти и догадливость польского еврея по истинѣ изумительны, и никакія предосторожности не скроютъ отъ него того, что онъ захочетъ узнать. Рано утромъ отецъ мой — котораго я черезъ одного изъ солдатъ увѣдомилъ о моемъ приѣздѣ — входитъ ко мнѣ съ встревоженнымъ видомъ и говорить, что трое десятскихъ ожидаютъ моего пробужденія, чтобъ вести меня къ становому приставу. Дѣло объяснилось потомъ слѣдующимъ образомъ. Хозяинъ постоялаго двора, не смотря на всѣ мои предосторожности, смекнулъ, что придуманный мною предлогъ путешествія ложень, что для русскаго купца нѣть выгоды ѿздить въ Смѣлу покупать сахаръ; къ тому же, хотя я былъ бритъ и носилъ европейскую одежду, онъ узналъ во мнѣ еврея. Вслѣдствіе всего этого, когда онъ указалъ мнѣ ночью дорогу, онъ слѣдилъ за нами, видѣлъ какъ мы повернули въ городъ и куда заѣхали. Потомъ, разумѣется, подозрѣнія его еще болѣе усилились. Ему пришло на мысль, что я промышляю фальшивыми ассигнаціями. Онъ далъ знать объ этомъ становому писарю, который послалъ за мной солдатъ. Не зная еще обо всемъ этомъ, я поспѣшно одѣлся и отправился. Войдя къ становому на дворъ, я былъ непріятно изумленъ, увидѣвъ весь дворъ наполненный евреями, прибѣжавшими посмотреть, какъ «Одесситъ» ускользнетъ изъ рукъ грознаго писаря. Вхожу я въ домъ и вижу

въ передней моихъ солдатъ, только что надѣвающихъ штаны. Ясно, что ихъ обыскивали. Меня такъ и взорвало. Разгнѣванный вхожу въ присутствіе. Писарь, занятый надъ бумагами, поднялъ на меня глаза и видимо смущился. Онъ ожидалъ встрѣтить польского бахура (молодого еврея), съ длинными пейсами, въ длинномъ халатѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, и, увидѣвъ меня, оробѣлъ. Онъ не зналъ какъ начать рѣчь и молчалъ. Я простоялъ нѣсколько минутъ предъ нимъ. Мнѣ это наскучило, и я обратился къ нему за объясненіемъ: «Зачѣмъ вы меня звали?» спросилъ я. Писарь, оскорбленный этой неожиданной отъ еврея дерзостью, принялъ строгій видъ и сказалъ: «Кто вы?» — «Если вы не знаете, кто я, зачѣмъ же вы меня звали?» спросилъ я опять. — «Я знаю, конечно, кто вы, но мнѣ нужно узнать это отъ васъ» — сказалъ писарь. — «Я Янкель Б., златопольскій мѣщанинъ, въ чемъ удостовѣрять мой паспортъ». При этихъ словахъ я подалъ писарю паспортъ. Пробѣжавъ его глазами, онъ окончательно растерялся. Считая меня уроженцемъ далекихъ странъ, Ѣдущимъ Богъ вѣсть откуда и Богъ вѣсть куда, онъ думалъ съ этой стороны начать атаку; узнавъ же, что я здѣшній, онъ не зналъ что дѣлать со мной. — «Однакожъ, проговорилъ онъ нерѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія — что значать ваши разѣзды, и откуда взяли вы, Ѣдучи изъ Ростова, этихъ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ идетъ изъ Сухумъ-Кале, а другой изъ Ставрополя? Тутъ что нибудь да кроется» — прибавилъ онъ. «Очень просто — отвѣчалъ я: Ѣду сюда изъ Ростова на родину по своимъ дѣламъ. Что касается солдатъ, то идущій изъ Сухумъ-Кале нашелъ другаго въ Старополѣ, и оба нагнали меня въ Ростовѣ. Я взялъ ихъ съ собой для компаніи. Вотъ и все» . — «Хорошо, можете пойти себѣ домой, сказалъ писарь, а когда будетъ надобность мы пошлемъ за вами» — прибавилъ онъ, не желая совсѣмъ уронить себя. Я поклонился и вышелъ. Таковъ былъ мой дебютъ въ Златополѣ — дебютъ, не предвѣщавшій мнѣ ничего особенно хорошаго. Происшествіе это вспомнило златопольскій кагаль, знаяшій свою виновность передо мной и увидѣвшій теперь, что я не изъ робкаго десятка. Въ тотъ же день кагаль прислалъ за мной своего десятскаго, еврейскаго солдатъ,

дата, позвать меня на сходку. Рѣшившись принять въ отношеніи къ кагалу независимое положеніе, я не пошелъ ни въ первый, ни во второй разъ, отговариваясь тѣмъ, что не имѣю никакого дѣла; на самомъ же дѣлѣ я думалъ дѣйствовать черезъ отца и невидимо руководить дѣло. Но кагалъ далъ мнѣ понять, что онъ проникъ мои намѣренія, и, уступая необходимости, я пошелъ на сходку послѣ третьего приглашенія. Сходка происходила въ домѣ одного изъ кагальныхъ, содержавшаго тутъ-же въ своемъ домѣ кабакъ. На скамьяхъ, вокругъ длиннаго стола, сидѣлъ кагалъ, а хозяинъ дома прохаживался по комнатѣ, засунувъ руки въ надѣтый сверхъ кафтаны люстриновый поясъ. Вошедъ, я сталь поодаль, не снимая шубы и не сказавъ обычнаго привѣтствія: Гитъ Гельфъ! (да поможетъ вамъ Богъ)! «Зачѣмъ вамъ угодно было звать меня? спросилъ я.—«Садитесь къ столу»—сказалъ мнѣ одинъ кагальный, указывая на незанятый стулъ.—«Знаю зачѣмъ вы меня просите сѣсть, закричалъ я, чтобы подбросить мнѣ серебрянную ложку и затѣмъ сказать, что я укралъ ее; такія пропаществія случались нерѣдко; знаю я васъ, подлецы, мошенники; вы ограбили моего отца на 600 рублей, теперь вы хотите и со мною сдѣлать тоже! Нѣть, вамъ не удастся провести меня»—прибавилъ я, ударивъ кулакомъ о столъ. Поднялся гвалтъ, шумъ и гамъ. «Ага, Рабос-сай (господа), закричалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, я сказа-заль вамъ, что этотъ дерзкій гой не послушается насъ!—«Въ такомъ случаѣ, съ нимъ надобно поступить, какъ мы прежде го-ворили»—громко произнесъ хозяинъ, чтобы напугать меня. Но я не испугался, а кричалъ и шумѣлъ пуще прежняго, и тогда де-сятскіе, по приказу кагала, отвели и заперли меня въ кагальнюю яму, т. е., въ соседнюю комнату. Кагалъ дѣйствительно имѣлъ по закону право поступать такъ. Я просидѣлъ тамъ около получаса, а кагалъ между тѣмъ совѣтовался, что дѣлать со мной. По окончаніи совѣщенія меня опять привели туда. Одинъ изъ пред-ставителей началъ было угрожать мнѣ; я не удержался и возра-жалъ ему. Скора опять готова была вспыхнуть, но старшій ка-гальный унялъ насъ. «Брань и ссоры—сказалъ онъ—ни къ чему хорошему не поведутъ насъ; вы хотите выключки, ребѣ Янкель,

мы согласны дать ее, но согласитесь сами, увольняя очередную семью, мы подвергаемъ дѣтей нашихъ рекрутчинѣ, и надобно же, чтобъ мы были вознаграждены за такую потерю». — «Это другое дѣло, отвѣчалъ я; не съ тѣмъ, чтобы вы дѣлали, а не принимали денегъ даромъ, какъ у моего отца». Пошли торги. Кагаль запро- силъ 800 руб.; я не хотѣлъ давать больше 300. Наконецъ мы сошлись на четырехъ стахъ. Эти деньги я долженъ былъ отдать на сохраненіе, до получения выключки, одному изъ нашихъ род-ныхъ, которому мы ровно довѣряли. Снаряженъ былъ депутатъ отъ кагала юхать съ отцомъ моимъ въ Кіевъ хлопотать. Этому депута-ту я далъ на расходы по дѣлу 100 рублей, и они поѣхали.

Я остался, такимъ образомъ, одинъ въ Златополѣ, среди чуж-даго и враждебнаго мнѣ населенія. Я жилъ въ домѣ одного давно знакомаго мнѣ еврейскаго купца, человѣка образованнаго и благо-мыслящаго, который держался вдалекѣ отъ златопольскихъ евреевъ и былъ нелюбимъ ими. Я проводилъ большую часть времени въ лавкѣ моего хозяина. Кроме того, я выходилъ каждый день на ба-зарную площадь, смотрѣлъ на торговлю, и этимъ развлекалъ себя немногого. Разъ, въ пятницу, я вышелъ, по обыкновенію, на пло-щадь. Нечаянно взглянуль я на противоположную сторону улицы и увидѣлъ рыжаго еврея съ длинной бородой и въ длинномъ халатѣ. Меня невольно покоробило. Не знаю отчего, но мнѣ сейчасъ при-шло на мысль, что еврей этотъ стоитъ здѣсь только ради меня, и что онъ слѣдить за мной. Чтобы узнать, справедливо ли мое опа-сеніе, я перешелъ на другой конецъ улицы; гляжу — рыжій еврей тоже перешелъ и сталъ передо мной. Перехожу на другую улицу — онъ за мной. Встревоженный и взволнованный ушелъ я въ лавку къ моему хозяину и рассказалъ ему про странную встрѣчу. Я успѣлъ замѣтить, что и ему эта исторія не совсѣмъ понравилась, но онъ всячески старался разсѣять мои опасенія, говоря: «вѣроятно вашъ рыжій спутникъ любопытствовалъ разсмотрѣть невидимое имъ чудо: бритаго еврея въ европейской одеждѣ». Аргументъ этотъ немногого успокоилъ меня. Черезъ нѣсколько часовъ мы заперли лавку и по-шли домой обѣдать. Сидимъ мы вокругъ стола и разсуждаемъ о нашемъ дѣлѣ, о томъ, что отъ отца нѣть никакой вѣсти, хотя про-

шли уже три недѣли со времени его отъѣзда. Предъ нами стоялъ пирогъ и россель флейшъ (родъ жаркаго), обыкновенныя блюда евреевъ въ эревъ шаббесъ (канунъ субботы—пятница). Хозяинъ, сидѣвшій лицомъ къ двери, вдругъ поблѣдѣлъ какъ полотно: дверь отворилась, и на порогѣ показалась зловѣщая фигура десятскаго. «Что тебѣ нужно, Михель?» спросилъ хозяинъ. — «За ними вотъ прислали»—отвѣчалъ онъ, указывая на меня. «Кто прислали?» — «Исправникъ». — «Знаешь что, Михель — сказалъ хозяинъ, боявшійся пустить меня одного — иди скажи исправнику, что я самъ приведу его; вѣдь онъ меня знаетъ». — «Вы знаете, р. Шмуель, отвѣчалъ солдатъ, что я всегда готовъ васъ слушаться, но теперь не могу. Исправникъ строжайше заказалъ мнѣ, не явиться ему на глаза безъ нихъ; къ тому же, здѣсь еще со мной трое русскихъ, которые ни за что не уйдутъ отсюда безъ нихъ». Дѣлать было нечего. Я всталъ изъ-за стола, а за мной и добрый мой хозяинъ. Онъ насили выпросилъ у солдатъ, чтобы они позволили мнѣ идти съ нимъ по другой сторонѣ улицы. Мы вошли къ исправнику и просидѣли нѣсколько минутъ въ передней, дальше которой не проникнулъ еще ни одинъ златопольскій еврей. Но я дерзнулъ однажды проникнуть дальше въ святилище начальства, отворилъ дверь и смѣлой ногой вошелъ въ приемную. Въ ожиданіи исправника я сѣлъ на диванъ; я терялся въ догадкахъ—зачѣмъ могъ меня призвать исправникъ, и имѣть ли это какуюнибудь связь съ рижимъ евреемъ, такъ напугавшимъ меня своей неотвязчивостью?

Но вотъ послышались твердые, скорые шаги; дверь отворилась, вошелъ исправникъ. Признаюсь, я струсилъ при видѣ его, и было отъ чего. Онъ былъ мужчина сильный и дородный, съ гордой походкой, повелительнымъ и жестокимъ выраженіемъ лица; я слышалъ, что онъ имѣлъ сильную наклонность давать пощечины своимъ подчиненнымъ, особенно евреямъ; видъ его подтверждалъ эти слухи. Я замѣтилъ, что онъ приготовился встрѣтить меня кулаками, но здѣсь повторилась также история, что съ становымъ писаремъ: видъ мой нѣсколько обезоружилъ его. Нѣсколько времени смотрѣлъ онъ на меня молча и потомъ сказалъ: «Такъ это вы тотъ господинъ?» — «Какой господинъ?» — спросилъ я. — «Знаю, пріѣхалъ сюда штуки

творить, все знаю» — «Помилуйте, В. В., отвѣтилъ я, никакихъ штукъ я не творю, а пріѣхалъ сюда затѣмъ, чтобы исключиться изъ здѣшняго мѣщанскаго еврейскаго общества, чтобы сдѣлаться купцомъ». — «Ишь, купцомъ хотѣть сдѣлаться, да не думаешь ли ты, — онъ попеременно говорилъ мнѣ то «ты», то «вы» — что я тебѣ такъ пропущу... «Все знаю» — прибавилъ онъ значительно. Эти постоянные намеки на знаніе чего-то въ сущности указывали на вполнѣ незнанье, но мнѣ было не до того, чтобы сообразить это. Постоянно занятый мыслью о козняхъ кагала и роковыхъ отмѣткахъ, мнѣ почудилось, что исправникъ узналъ отъ кагала обѣ отмѣткахъ. Я отозвалъ въ сторону моего хозяина, присутствовавшаго при всей этой сценѣ, выразилъ ему мои опасенія и необходимость подмаслить исправника. Онъ вызвался быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, отозвалъ исправника въ другую комнату и обѣщалъ дать ему 25 рублей, чтобы онъ отпустилъ меня.

Услышавъ это, исправникъ, до сихъ поръ ничего не знаяшій обо мнѣ положительнаго, понялъ, что у меня есть грѣхъ на душѣ, отказался на-отрѣзъ отпустить меня менѣе, чѣмъ за 300 рублей. Я хотѣлъ дать уже 50 руб., но исправникъ твердилъ одно: «дай, дескать, 300 руб., а не то — я все знаю» и т. д. Я началъ наконецъ догадываться, что онъ ничего не знаетъ, и присталъ къ нему за объясненіями: зачѣмъ онъ требовалъ меня; онъ кричалъ, шумѣлъ, отнѣкивался, и наконецъ велѣлъ мнѣ пойти въ канцелярію, ждать его тамъ. Пошелъ я въ канцелярію, а за мной десятскіе, чтобы показать дорогу; къ величайшему моему изумленію я замѣтилъ, что мы минули двери канцеляріи, и что солдаты ведутъ меня куда-то дальше. Спрашиваю: куда? — «Въ тюрьму» — говорятъ. — «Да какъ вы смѣете — вѣдь исправникъ велѣлъ въ канцелярію идти!» — «Намъ, говорятъ, велѣлъ въ тюрьму вести васъ». — «Хорошо, говорю, пойдемъ къ исправнику». Я думалъ, что здѣсь недоразумѣніе.

Вхожу къ исправнику, начинаю жаловаться; «да я, говоритъ, въ канцелярію велѣлъ вести васъ». Вышелъ я торжествующимъ; подходимъ мы къ канцеляріи, я хочу войти, солдаты опять ведутъ меня дальше. Я вышелъ изъ себя, началъ кричать, ругать сол-

датъ, самовольно сажающихъ меня въ тюрьму, и метаться изо всѣхъ силъ. Но тутъ одинъ изъ десятскихъ, еврей, возмолился «не погубите, говорить—отецъ родной! Вы знаете его (исправника), какой это злодѣй; вамъ онъ говоритъ въ канцелярію, а намъ мигнуль въ темную, значитъ, его; и если мы не поведемъ васъ туда теперь, онъ засѣчетъ насъ до смерти». Вижу, дѣлать нечего; я сдался; десятскій отворилъ тюрьму, втолкнулъ меня туда со словами: «на, вотъ тоби, Степанъ!» Степанъ, рослый, здоровый сѣдой солдатъ, лѣниво поднялся со скамьи, полюбопытствовалъ взглянуть на меня, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ большой заржавѣлый ключъ, подошелъ къ массивной дубовой двери и отворилъ ее. Ворвавшаяся полоса свѣту освѣтила длинную, совершенно темную комнату, которой стѣны и потолокъ были совершенно мокры и покрыты отвратительными бѣлыми тараканами и разными насѣко-мыми... Сначала я подумалъ, что это ужасное мѣсто совершенно необитаемо, но звонъ цѣпей разувѣрилъ меня въ этомъ. Я всмотрѣлся ближе и увидѣлъ въ глубинѣ сцены лежащаго на полу человѣка, связанного по рукамъ и ногамъ. Услышавъ скрывающе-ся двери, онъ повернуль къ намъ свое лицо; оно было страшно изнуренное. Но между тѣмъ какъ я предавался грустнымъ размышленіямъ о судьбѣ этого несчастнаго, сторожъ подошелъ ко мнѣ, безцеремонно взялъ меня за руку и, указывая на отворенную дверь, произнесъ монотонное: ступай! Можете себѣ вообразить, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это одно слово. Какъ, я, ни въ чемъ неповинный, по крайней мѣрѣ предъ тѣмъ, кто засадилъ меня сюда, долженъ лежать Богъ знаетъ сколько въ этой отвратительной конурѣ, въ обществѣ этого ужаснаго человѣка, вѣроятно, уголовнаго преступника. Я решительно объявила сторожу, что не пойду туда, что просижу сколько ему угодно, только въ передней комнатѣ. Онъ прежде ничего было не хотѣлъ и слышать: «знаемъ, говоритъ, про то; коли къ намъ кто попался, то не прогнѣвайся; панивъ тутъ нема». Но я твердо стояла на своемъ, и то просьбами, то угрозами убѣдилъ его оставить меня здѣсь покамѣсть. Но что-то будетъ ночью, думалъ я. Сторожъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что на ночь онъ запретъ меня въ тюрьмѣ. «Хиба

не спать мни цѣлу ночь сторожить тебе», резонно прибавилъ онъ. Мысль о предстоящемъ ночлегѣ не покидала меня; я ни о чёмъ другомъ не думалъ, и готовъ былъ отдать что только могъ за то, чтобы не почевать въ ужасной тюрьмѣ. Думалъ я дать о себѣ вѣсть комунибудь, да не съ кѣмъ было. Я не видѣлъ средства избѣгнуть страшнаго ночлега, а мнѣ казалось, что я не переживу этой ночи. Но Богъ послалъ мнѣ помошь въ лицѣ доброго моего хозяина. Видя, что я долго не возвращаюсь, онъ заперъ лавку, пошелъ къ исправнику, узналъ тамъ отъ десятскихъ о мѣстѣ моего пребыванія и пришелъ меня утѣшить. Я рассказалъ ему о вѣроломствѣ исправника и обѣ ужасномъ моемъ ночлегѣ. Такъ какъ начинало уже темнѣть, то мы рѣшили дальнѣйшіе хлопоты оставить до завтра; что касается ночлега, то хозяинъ мой нашелъ хорошее средство. Здѣсь же на дворѣ жиль волостной писарь, хороший человѣкъ, съ которымъ мой хозяинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ моего патрона писарь согласился дать мнѣ переночевать, взявъ съ меня честное слово, что я не уйду, и что никому не скажу потомъ, чтобы не навлечь на него гневъ исправника. Немалаго труда стоило намъ уговорить непреклоннаго Степана, чтобы онъ согласился выпустить меня; наконецъ и это было улажено, когда волостной писарь поручился за меня. Такимъ образомъ я переночевалъ у писаря и чуть свѣтъ возвратился на свое мѣсто. Между тѣмъ хозяинъ мой не дремалъ и нашелъ новое средство спасти меня изъ рукъ исправника. Въ то время, да и теперь еще отчасти, въ Златополѣ процвѣтала фамилія богатыхъ купцовъ-евреевъ N. Пользуясь значительнымъ влияниемъ, которое дается деньгами въ этомъ бѣдномъ краю, куницы N. часто помогали въ нуждѣ бѣднымъ собратьямъ, особенно въ дѣлахъ тяжебныхъ, такъ какъ они имѣли большое влияніе на весь чиновный людъ. Вотъ къ этимъ-то N. обратился мой хозяинъ, при содѣйствіи ихъ бухгалтера, прекрасно образованнаго человѣка, принимавшаго во мнѣ живѣйшее участіе. Выхлопотали у одного изъ N. записку къ исправнику. Записка, какъ видно, была грозная, потому что при полученіи ея исправникъ встрепенулся и поспѣшилъ самъ уведомить меня о моемъ освобожденіи. Онъ былъ очень удив

лень, увидѣвъ меня сидящимъ въ передней, а не въ темной, какъ онъ велѣлъ; я думаю, сторожу хорошо досталось потомъ за меня; но онъ еще болѣе былъ удивленъ, когда я, увѣдомленный уже о ходѣ дѣла моимъ хозяиномъ, при входѣ его не всталъ съ мѣста и не поклонился ему. Онъ покраснѣлъ со злости, и еслибъ не записка N., то рука его навѣрно очутилась бы на моей щекѣ. «Вы можете пойти себѣ» — произнесъ онъ скороговоркой, и вышелъ на дворъ. Но я не спѣшилъ. Замѣтивъ, что я еще не вышелъ, исправникъ, поскорѣй хотѣвшій отдѣлаться отъ меня, чтобы снять отвѣтственность передъ N., зашелъ ко мнѣ и нетерпѣливо, но сдержанно-кратко проговорилъ: «да вѣдь я вамъ сказалъ, что вы можете идти себѣ». — «Да у меня есть время, отвѣчалъ я, еще пойду», и, погодя еще немнога, ушелъ домой. Теперь только узналъ я, что рыжій еврей, слѣдившій за мною вчера утромъ, состоялъ мосеромъ (доносчикомъ) при исправникѣ; узнавъ о моемъ дѣлѣ съ кагаломъ и о моемъ будто бы богатствѣ, онъ посовѣтывалъ исправнику подъ какимъ нибудь предлогомъ взять да прижать меня: «человѣкъ, молъ, съ амбиціей, осрамиться не захочетъ, ну и дастъ сотнягу, другую, не поскучится».

На другой день я, чтобы кольнуть исправника, пошелъ къ нему благодарить за оказанныя мнѣ услуги. Вхожу я къ нему и вижу на лицѣ его промелькнуло неудовольствие и досада: ему было жаль 50-ти рублей, которые я хотѣлъ уже дать ему ни за что, ни про что. «Что вамъ угодно?» спрашиваетъ онъ меня. «Чувствуя, говорю, вашу доброту ко мнѣ, пришелъ отблагодарить васъ», при этомъ вынимаю полуимперіалъ, и тычу ему въ руки. Онъ началъ щупать. «Что вы щупаете?» спросилъ я. «Я думалъ, что здѣсь по крайней мѣрѣ два», отвѣчалъ онъ. «Было бы, говорю, и больше, еслибъ вы знали, какъ обходиться съ людьми, да теперь только одинъ...» Съ этими словами я, не поклонившись, вышелъ вонъ. Такъ кончилось это пріятное приключеніе.

Межу тѣмъ прошли три недѣли со времени отѣзда моего отца съ депутатомъ отъ кагала въ Кіевъ, а отъ нихъ ни слуху, ни духу. Я начиналъ тревожиться и думать о томъ, чтобы самомуѣхать въ Кіевъ. Но сдѣлать это открыто было невозможно, потому

что стоглазый аргусъ-кагалъ слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ и, узнавъ о моей поѣздкѣ въ Кіевъ, которая, натурально, была противна его интересамъ, онъ не преминулъ бы задержать меня, пользуясь закономъ данной ему властью надъ очередными. Вотъ почему я никому не сообщалъ своей мысли о поѣздкѣ. Поручивъ моему хозяину слѣдить за ходомъ дѣла здѣсь и увѣдомлять меня о намѣреніи кагала, я въ одно воскресенье до зари выѣхалъ изъ Златополя въ Кіевъ. Опасаясь погони со стороны кагала и желая какъ можно скорѣе быть въ Кіевѣ, я гналъ лошадей немилосердно и нигдѣ не останавливался, такъ что одна лошадь упала на дорогѣ, а остальные двѣ насили дотащили меня до Кіева и тамъ легли. Первымъ долгомъ моимъ по приѣздѣ въ Кіевѣ было отыскать квартиру моего отца. Это было не трудно, такъ какъ евреи могли жить тогда въ Кіевѣ только въ одномъ подворье, но видѣться съ нимъ было гораздо труднѣе, потому что я не хотѣлъ, чтобы депутатъ-ходатай, посланный отъ кагала съ моимъ отцомъ, и жившій вмѣстѣ съ нимъ,—узналъ о моемъ приѣздѣ. Переждавъ около воротъ въ скрытномъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, я улучилъ минуту, когда отецъ вышелъ со двора одинъ. Я разговорился съ нимъ о дѣлѣ. Онъ увѣрялъ меня, что оно идетъ хорошо; что всѣ тѣ, отъ которыхъ оно сколько-нибудь зависитъ, на нашей сторонѣ, за исключеніемъ одного совѣтника, который, неизвѣстно почему, не хочетъ подписать выключку, что поэтому онъ не писалъ мнѣ, ожидая окончанія дѣла. Наученный горькимъ опытомъ не довѣрять кагалу и его представителямъ, я спросилъ отца, былъ-ли онъ самъ у этого совѣтника? Онъ отвѣтилъ утвердительно, но какъ-то сквозь зубы, такъ что я усумнился. Мы просидѣли до поздней ночи, соображая и обдумывая, что дѣлать. На другой день утромъ я пошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, которые могли помочь мнѣ въ дѣлѣ; между прочимъ я былъ въ конторѣ купцовъ N., къ управляющему которой я имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего хозяина изъ Златополя. Прогулявшись такимъ образомъ по городу, я около полудня воротился на квартиру и засталъ тамъ моего отца. Съ встревоженнымъ видомъ отецъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь былъ господинъ въ квартирѣ и спрашивалъ меня. По описанію отца я

узналь въ этомъ человѣкѣ управляющаго конторой N. Спѣшу въ контору. Управляющій выходитъ ко мнѣ на встрѣчу и съ состра-
дательнымъ видомъ вручаетъ мнѣ письмо, только что полученное
съ нарочнымъ изъ Златополя. Раскрываю печать и читаю слѣду-
ющее: «Милый другъ Я. Б.! Увѣдомляю тебя, что нашъ кагаль,
узнавъ спустя день о твоемъ отѣздѣ, пришелъ въ ярость и по-
слалъ за тобой погоню съ тѣмъ, чтобы, во что бы то ни стало,
отыскать тебя и немедленно отдать въ рекрутъ безотчетно, какъ
отмѣченаго въ неявкѣ и укрывательствѣ отъ рекрутчины, а по-
тому, по полученіи сего, лемаанъ Гашемъ (ради Бога) немед-
ленно уѣзжай изъ Киева куда нибудь. При семъ присылаю письмо
отъ N. къ управляющему его конторой въ Киевѣ. Онъ будетъ по-
могать тебѣ чѣмъ можетъ. Твой другъ М. Л.» Замѣтивъ, какое
сильное впечатлѣніе произвело на меня это письмо, управляющій
съ участіемъ сказалъ: «Такъ какъ N. поручилъ мнѣ помочь вамъ
всѣми зависящими отъ меня средствами, то будьте столь добры и
объясните мнѣ ваше дѣло». Я рассказалъ ему отъ начала до конца.
Управляющій выразилъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли совѣт-
никъ, о которомъ шла рѣчь, не хочетъ подписать выключку, такъ
какъ онъ зналъ его съ хорошей стороны. Мы вмѣстѣ съ управляю-
щимъ поѣхали къ ходатаю отъ кагала, отобрали отъ него надлежа-
щія свѣдѣнія о ходѣ дѣла, потомъ отправились къ совѣтнику. Ока-
залось, что ходатай не былъ у него вовсе, чтобы оставить ла-
зейку и не дать намъ ускользнуть изъ рукъ кагала. Когда совѣт-
нику объяснили въ чемъ дѣло, онъ, не медля ни минуты, подпи-
салъ требуемую бумагу, разумѣется за порядочный кушъ. Я сей-
часъ же выѣхалъ изъ Киева окольной дорогой, боясь встрѣчи съ
сыщиками кагала, которые и теперь еще могли оковать и увести
меня, такъ какъ у меня еще не было купеческаго паспорта. Я по-
спѣшилъ въ Звенигородку (къ уѣзду которой принадлежитъ Злато-
поль). Спѣшу въ думу и показываю выключку писарю, моему даль-
нему родственнику, который не мало повредилъ мнѣ въ моемъ
дѣлѣ, и прошу у него паспортовъ для меня и отца. Понимая, что
они мнѣ нужны какъ можно скорѣе, онъ говорить, что ему нѣ-
когда, чтобы я пришелъ завтра. Онъ очевидно ждалъ подарочка,

но кошелекъ мой совершенно былъ истощенъ, и я рѣшился ждать завтрашняго дня. На другой день я пришелъ въ думу и нашелъ тамъ бахура, стоящаго у стола возлѣ писаря, пашущаго что-то. Я заглянуль въ бумагу; вижу — паспортъ на имя Леви-Ицка Файтельса. Я присталь къ писарю, опять отнѣкиванья и откладыванья. Раздосадованный пошелъ я домой и рассказалъ отцу, который между тѣмъ тоже пріѣхалъ. «Какому-то Леви-Ицку Файтельсу, говорю, даютъ паспортъ, а намъ не даютъ». — «Что ты говоришь? воскликнулъ отецъ:—Леви-Ицекъ Файтельсъ мѣсяцъ тому назадъ умеръ въ Златополѣ, и я самъ былъ на его похоронахъ!» Я тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло. «Постойте же, думаю себѣ. Начу я васъ», и сейчасъ пошелъ въ думу. Я засталъ еще писаря за прежней бумагой. Улучивъ минуту, когда писарь отвернулся, я схватилъ бумагу и закричалъ: «Дадите-ли вы мнѣ паспортъ, а не то я васъ... Фальшивые паспорты выдаете, а мнѣ не хотите дать!» Услышавъ это, бахуръ убѣжалъ, секретарь побѣднѣлъ, а писарь затрясся всѣми членами. «Да мы дадимъ вамъ паспорты сейчасъ же, только»... «Нѣть, сказалъ я, паспорты вы и безъ того должны дать мнѣ, а неугодно ли вамъ выслушать меня»; при этомъ я отвѣль писаря въ сторону. «Вы знаете, началь я, что я потратилъ на вашу братію кагалъ болѣе 1,000 рублей, теперь я остался безъ копѣйки, а намъ нужно проѣхать не малую дорогу. Я даю вамъ избрать одно изъ двухъ: или возвратите намъ изъ взятыхъ у меня и отца моего денегъ — пятьдесятъ рублей, и я возвращу фальшивый паспортъ, и больше ни слова объ этомъ; или же я представлю эту бумагу (я указалъ на фальшивый паспортъ) куда слѣдуетъ, и тогда — вы знаете, что будетъ!» Смущенный писарь пошелъ къ секретарю; они посовѣтовались; потомъ онъ побѣжалъ домой и что-жъ вы думаете? — принесъ 50 рублей и отдалъ ихъ мнѣ вмѣстѣ съ изготовленными сейчасъ же паспортами; я отдалъ ему фальшивый паспортъ, и мы разстались.

На другой день я навѣки распростился съ ненавистнымъ мнѣ Златополемъ. И конецъ! безъ сомнѣнія, думаете вы. Не совсѣмъ. Прошли два года. Отецъ мой, сильно потрясенный этимъ несчастнымъ дѣломъ, умеръ годъ спустя. Я между тѣмъ женился, пере-

селился въ К. и завелъ собственную торговлю. Вотъ сижу я разъ въ своей лавкѣ, да свожу счеты. Входитъ знакомый мнѣ частный приставъ: «Къ вамъ, говорить, Яковъ Григорьевъ, дѣло есть». — Спрашиваю: что за дѣло? — «Отношеніе отъ златопольского еврейскаго кагала о взиманіи подати съ мѣщанина Янкеля Б. за нѣсколько лѣтъ». — «Да Богъ съ вами, говорю, я вѣдь уже два года купецъ, прежде ростовскій, а теперь здѣшній». — «Знаю, говорить, да вѣдь вы Я. Б.». — «Я», говорю. Пошли толки. Я какъ-то отдался на этотъ разъ. Но чрезъ нѣсколько дней частный приставъ опять у меня. «Пишите, говорить, отъ себя отвѣтъ златопольскому обществу». Я зналъ, конечно, что мнѣ стоить только послать грозное отношеньице, и дѣло затихнетъ; но не хотѣлось опять заводить дѣло съ кагаломъ. Однако отношенія кагала дѣлались все болѣе и болѣе грозными, а частный приставъ слишкомъ часто сталъ показываться въ моемъ домѣ, и я придумалъ средство разомъ отдалиться отъ нихъ обоихъ. Разъ частный приставъ пришелъ ко мнѣ съ новымъ отношеньцемъ изъ Златополя, и по обыкновенію началъ убѣждать меня въ необходимости завести тяжбу съ кагаломъ. «Хорошо, говорю; до сихъ порь дѣла не позволяли мнѣ заняться этимъ, но теперь я свободенъ и напишу отвѣтъ кагалу. Но чтобы знать, что писать, мнѣ нужно просмотрѣть дѣло; принесите мнѣ всѣ отношенія кагала, и я напишу отвѣтную грамотку». Частный приставъ согласился, и вечеромъ принесъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ. Я сдѣлалъ пуншъ и мы покутили до поздней ночи за окончаніе златопольского дѣла. Потомъ приставъ ушелъ; я немедленно взялъ все «дѣло» и... сжегъ его. Частный приставъ приставалъ ко мнѣ на счетъ отвѣта. Наконецъ, я сказалъ ему, что сдѣлалось съ «дѣломъ». Онъ разсердился и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался: онъ не могъ жаловаться на меня, такъ какъ не имѣть права выдать мнѣ дѣло. Еще нѣсколько дней частный приставъ не давалъ мнѣ покоя, но наконецъ затихъ.

Съ тѣхъ порь сношенія мои съ Златополемъ совершенно прекратились.

ТАЛМУДИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕ- ДОНСКОМЪ.

Великіе люди, знаменующіе собою эпохи въ исторіи человѣчества, оставляютъ по себѣ равно глубокіе слѣды, какъ въ лѣтописяхъ науки, такъ и въ живой памяти народной. Тѣмъ не менѣе, характеръ оцѣнки тою и другою значенія и дѣятельности великихъ людей существенно различенъ. Въ то время какъ наука тщательно собираетъ самыя мелочныя данныя, могущія сколько нибудь уяснить намъ значеніе той или другой исторической личности, принимаетъ ихъ только послѣ строгаго критического анализа и на основаніи достовѣрныхъ фактovъ лишь старается опредѣлить характеръ ея въ дѣйствительности—живое воображеніе народной массы поступаетъ гораздо свободнѣе. Не стѣсняясь условіями мѣста и времени, восполняя пробѣлы исторіи помощьюъ вдохновленнаго творчества, оно широкими размашистыми чертами живописуетъ своего любимца, который, такимъ образомъ, часто является намъ въ миѳическомъ ореолѣ, въ ущербъ исторической правдѣ. Отсюда пропстекаетъ другое не менѣе существенное различіе между научными и народными представленіями о значеніи великихъ историческихъ дѣятелей. Историческая наука все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію того, что и великие люди суть дѣти своего времени; что великими дѣлами, ими совершенными, мы обязаны чаще ихъ вѣку, чѣмъ имъ самимъ, и что слѣдовательно ихъ слава меркнетъ предъ славой окружавшаго ихъ общества, а заслуги какъ-бы исчезаютъ въ великому дѣлѣ развитія рода человѣческаго. Не такъ поступаетъ народная толпа. Неспособная возвышаться до умозрѣній, всегда склонная къ олицетворенію, въ природѣ, какъ и въ дѣлахъ чело-

въческихъ, всего отвлеченаго, она сосредоточиваетъ всю свою любовь или ненависть на самыхъ выдающихся личностяхъ, служащихъ представителями извѣстнаго направлениія, не обращая вниманія на условія ихъ окружающей.

Этимъ не ограничивается однако различіе между отношеніями массы и науки къ историческимъ личностямъ; онъ отличаются между собой и степенью оцѣнки значенія этихъ личностей. Исторія на сколько возможно старается произнести свой приговоръ надъ извѣстной личностью на основаніи совокупности всѣхъ данныхъ, имѣющихъ о его жизни и дѣлахъ, какъ можно безпристрастнѣе, не увлекаясь отдѣльными его дѣйствіями, и если она невсегда достигаетъ такого безпристрастія, то это оттого, что и ея представители не могутъ совершенно освободиться отъ извѣстныхъ предразсудковъ, въ отношеніи къ тому или другому историческому дѣятелю. Но въ то время, когда новѣйшая историческая наука обязываетъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе къ полнѣйшему безпристрастію—сужденія народной массы о великихъ людяхъ, управляющихъ его судьбами, рѣдко отличаются безпристрастіемъ, уже потому, что сужденія эти, такъ сказать, субъективны. Отсюда тотъ извѣстный фактъ, что одна и также историческая личность является въ совершенно различномъ, часто противоположномъ свѣтѣ въ представленіяхъ различныхъ народностей¹⁾). Немного въ исторіи

¹⁾) Разительный примѣръ представляетъ намъ римскій императоръ Титъ, прославившій у римлянъ, а за ними и въ исторіи, однимъ изъ лучшихъ людей, существовавшихъ когда либо на землѣ. Между тѣмъ этотъ же Титъ въ еврейскихъ преданіяхъ, сохранившихъ Талмудомъ, является извергомъ, дерзко оскверняющимъ святыню, и оканчивающимъ жизнь въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, ниспосланыхъ на него Богомъ за его злодѣянія. Нѣкоторые еврейскіе ученые старались согласить эти противорѣчія тѣмъ, что Титъ действительно прежде былъ такимъ какъ изображаетъ его Талмудъ, но, по вступленіи на императорскій престолъ, мучимый угрызеніями совѣсти, старался загладить свои прежнія вины добродѣтельною жизнью и благодѣяніями, упрочившими за нимъ завидное прозванье «*amor generis humani*». Они не поняли, что въ основѣ римскихъ и еврейскихъ преданій о Титѣ лежать воззрѣнія чисто-национальныя; что евреи не могли не считать извергомъ рода человѣческаго того, который нанесъ послѣдній ударъ само-

такихъ людей, которые пользовались бы одинаковой симпатіею и известностью у всѣхъ національностей, съ которыми они приходили въ столкновеніе. Къ числу этихъ избранныхъ принадлежитъ Александръ, сынъ Филиппа, царь македонскій. Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Многочисленныя легенды наполняютъ всю его жизнь, отъ колыбели до могилы. Все соединилось въ немъ, чтобы обворожить востокъ, на который главнымъ образомъ направлена была его дѣятельность. Его истинно-эллинское изящество, его великодушіе къ побѣжденнымъ врагамъ, столь рѣдкое на востокѣ даже теперь, изумительные подвиги, совершенные съ незначительными средствами, и не нуждавшіеся въ прикрасахъ фантазіи—столь были они чудесны, — его ненасытная жажда завоеваній, — все располагало суевѣрного жителя востока видѣть въ Александрѣ болѣе чѣмъ человѣка, — полубога. Даже изнѣженность и сладострастіе, сильно развившіяся въ немъ въ послѣдніе годы его жизни, и сильно повредившія ему во мнѣніи сурьныхъ воителей-македонянъ, не могли конечно унизить его въ глазахъ восточнаго человѣка, привыкшаго къ безвкусной роскоши и расточительному великолѣпію своихъ ничтожныхъ, женоподобныхъ владыкъ. Такимъ образомъ, не смотря на кратковременность его владычества, метеоромъ промелькнувшаго на горизонтѣ истории, имя Александра и до сихъ поръ есть одно изъ самыхъ известныхъ на востокѣ. Каждый изъ восточныхъ народовъ, котораго судьба столкнула съ великимъ завоевателемъ міра, сохранилъ о немъ много воспоминаній. Къ числу этихъ народовъ принадлежать и

стоятельной жизни еврейского народа, они не могли не считать богохульникомъ, дерзко вызывающимъ на борьбу Всемогущаго (Талм. вавил. тр. Гитинъ, f. 57 b), того, который разрушилъ ихъ національную святыню — іерусалимскій храмъ. Съ другой стороны, римляне, привыкшіе къ безразсудному деспотизму и жестокости своихъ императоровъ, не могли не любить и не уважать отъ всего сердца кроткаго, мягкосердечнаго Тита. Самая жестокость его обхожденія съ непокорными сынами Израиля могла только возвысить его въ ихъ глазахъ, какъ одного изъ послѣднихъ представителей староримской доблести (*virtus romana*) (См. замѣтку I въ концѣ статьи).

евреи, которыхъ преданія мы намѣрены изложить здѣсь. Но, чтобъ уяснить себѣ ихъ, мы должны ознакомиться съ отношеніями македонскаго героя къ еврейскому народу. Исторія повѣствуетъ объ этомъ слѣдующее. Послѣ побѣды при Иссѣ, Александръ пошелъ съ войскомъ по направлению къ Тиру, покорилъ его, и тогда же вознамѣрился разрушить Іерусалимъ и жестоко наказать евреевъ за ихъ преданность Дарію, которому они помогали всѣми силами. Но на встречу Александру, приближавшемуся къ священному городу, вышелъ тогдашній первосвященникъ Симеонъ, извѣстный въ еврейскихъ преданіяхъ подъ именемъ праведнаго, — мужъ чудодѣйственный и очень уважаемый въ іудействѣ. Онъ былъ облаченъ въ священную одежду и походилъ въ ней (по талмудическому выражению) на ангела Іеговы Вседержителя. Его сопровождали всѣ священнослужители, тоже въ священническомъ облаченіи. Видъ ихъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Александра. Онъ принялъ Симеона ласково — и священный городъ былъ пощаженъ. Александръ мирно вошелъ въ Іерусалимъ. Преданіе говоритъ, что ему было прочтено пророчество Даніила, въ которомъ, по еврейскимъ толкованіямъ, находится указаніе на судьбы Александра и его наследниковъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ храмъ Іеговы, велѣль было поставить тамъ свою статую, но ему растолковали, что это противно еврейской религіи, и взамѣнъ предложили въ честь его назвать всѣхъ мальчиковъ, которые должны были родиться въ томъ году у священнослужителей, его именемъ. Это какъ нельзя болѣе польстило тщеславію Александра, и онъ оставилъ Іерусалимъ очень довольный евреями, которымъ онъ до смерти оказывалъ особенное покровительство. Понятно, что еврейскій народъ вынесъ изъ своего столкновенія съ македонскимъ героемъ самое благопріятное воспоминаніе. Любовь и уваженіе къ личности Александра проглядываетъ посему и во всѣхъ преданіяхъ о немъ еврейскаго народа, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

I.

(Талмудъ Вавил. Іома. f. 69 а).

25-тый день мѣсяца Тевеса есть день праздничный, въ который нельзя поститься. Въ этотъ день хутеи¹⁾ просили у Александра позволенія разрушить іерусалимскій храмъ, и онъ позволилъ имъ это. Дали знать Симеону праведному. Что же сдѣлалъ онъ? Онъ облекся въ священные одежды и взялъ съ собою знатнѣйшихъ лицъ Іерусалима; въ рукахъ у нихъ были факелы; онишли цѣлую ночь и къ разсвѣту встрѣтились съ Александромъ у Антипароса²⁾. «Кто эти люди?» спросилъ царь,—«Это іудеи, непокорные тебѣ» отвѣтили ему (т. е. хутеи). Когда царь увидѣлъ Симеона, онъ сопель съ колесницы и поклонился ему. «Такой царь, какъ ты, кланяется этому іудею?» спросили его. «Когда я иду на войну, ангелъ, имѣющій видъ этого человѣка, помогаетъ

¹⁾ Хутеи, или самаритяне—отпавшая отъ іудаизма секта, жалкіе остатки которой, въ числѣ немногихъ семействъ, живутъ и по нынѣ у подножія священной для нихъ горы Геризимъ (въ Палестинѣ). Первое основаніе этой секты положили иноземцы, поселившіеся въ Палестинѣ, по приказанію ассирийского царя Санхериба (см. 2 кн. царствъ; гл. 17). Они приняли еврейскій законъ, смѣшивъ его съ языческими вѣрованіями. Находясь въ постоянной враждѣ съ евреями, которые считали ихъ язычниками и не хотѣли съ ними смѣшиваться, они постоянно клеветали на нихъ предъ персидскими царями, и особенно старались не допускать ихъ выстроить храмъ, что и удавалось имъ нѣсколько разъ. Въ то время, когда Александръ вступилъ въ еврейскіе предѣлы, борьба между евреями и хутеями была въ самомъ сильномъ разгарѣ, благодаря проискамъ честолюбиваго Манассіи, брата первосвященника Симеона (у Флавія Уадоа). Естественно, что хутеи старались выхлопотать у Александра разрешеніе разрушить ненавистный имъ храмъ. Впрочемъ, обѣ этой попыткѣ хутеевъ говорить и Йосифъ Флавій (Antiq. Jud. L. II, с. 8). (См. Замѣтку II).

²⁾ Флавій говоритъ, что встреча происходила на мѣстѣ, называемомъ Цофимъ, но народному воображенію казалось эффективнѣе помѣстить это событие на самой границѣ еврейской земли. Антипаросъ всегда упоминается въ Талмудѣ какъ сѣверная граница єврейскихъ поселеній въ Малой Азіи; см. напр. Синедріонъ, 946 в. Іебамотъ 62 (См. замѣтку III).

мнѣ одерживать побѣды надъ врагами моими» отвѣчалъ Александръ¹⁾. Затѣмъ онъ спросилъ ихъ (іудеевъ): «зачѣмъ пришли вы?—«Храмъ», отвѣчали они, «въ которомъ мы молимъ Бога о тебѣ и о царствѣ твоемъ,—да не разрушится оно во вѣки—храмъ этотъ долженъ ли быть разрушенъ, по навѣту этихъ людей!—«Кто они? спросилъ Александръ.—«Вотъ эти хутен, стоящіе передъ тобой».—«Они въ вашей власти» сказалъ царь...²⁾.

II.

(Синедріонъ, f. 91 а).

Въ 24-й день мѣсяца Нисана съ евреевъ сняты были извѣты ихъ враговъ. Въ этотъ день африканцы (вѣроятно пунійцы, карѳагеняне) судились съ евреями передъ Александромъ Македонскимъ. — «Палестина, говорили они, принадлежитъ намъ, ибо она вездѣ въ Библіи называется страной Ханаанъ, а мы потомки Ханаана, сына Хамова. Тогда Гевига бенъ Песиса, еврейскій мудрецъ, котораго Талмудъ изображаетъ горбатымъ уродомъ, сказалъ мудрецамъ:—Пустите меня судиться съ ними предъ царемъ, если они побѣдятъ, то скажете: вы одержали побѣду надъ идіотомъ, (т. е. можно будетъ послать другаго умнѣйшаго еврея состязаться съ ними); если же я одержу побѣду, то скажете: — «Тора (ученіе) нашего учителя Моисея одержала верхъ». Ему позволили, и онъ предсталъ предъ царемъ. Когда африканцы начали излагать свои притязанія, онъ отвѣчалъ:—«откуда приводите вы ваши доказательства—изъ Торы? изъ нея же я докажу вамъ нашу правоту. Въ Библіи (кн. Бытія, гл. 9) сказано: и сказалъ онъ (Ной): проклять Ха-

¹⁾ Преданіе это, какъ видно, было сильно распространено въ іудаизмѣ. О немъ упоминаетъ и Іосифъ Флавій (*ibid.*).

²⁾ Исторія говоритъ, что Александръ, которому, конечно, не было дѣла до мелкой вражды сосѣднихъ племенъ, равно покровительствовалъ, какъ іудеямъ, такъ и хутеямъ. Дальнѣйшія же жестокости, упоминаемыя въ Талмудѣ, которыя позволили себѣ евреи въ отношеніи хутеевъ, очевидно зависѣли отъ враждебнаго настроенія толпы (См. замѣт. IV).

наанъ: рабомъ да будетъ онъ своимъ братьямъ! Рабъ же, пріобрѣвши имущество, кому принадлежитъ оно: развѣ не его господину? (т. е. намъ—потомкамъ Сима и вѣроятно, царю Александру, потомку Яфета) ¹⁾. Къ тому же, сколько уже времени вы не служили намъ! Услышавъ его слова, царь сказалъ африканцамъ: «отвѣчайте ему»! «Царь», сказали они, «дай намъ срокъ 3 дня» (обдумать отвѣтъ). Онъ далъ имъ время. Но три дня прошли, а отвѣта они не могли придумать. Тогда они убѣжали,бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники. Въ другой разъ, египтяне судились съ евреями предъ Александромъ. — «Возвратите намъ золото, серебро и дорогую одежду, которая вы забрали у насъ, выходя изъ нашей страны, какъ сказано въ Библіи (кн. Исхода, гл. 12)». Опять пошель судиться съ ними Гевига бенъ Песиса.—«Вы приводите доказательства изъ Торы?» сказали онъ; «я тоже изъ нея приведу доказательства нашей правоты. Сказано въ ней: что евреи сидѣли въ Египтѣ 430 лѣтъ. Заплатите же намъ за 600,000 человѣкъ (столько евреевъ Библія считаетъ по выходѣ изъ Египта), работавшихъ у васъ 430 лѣтъ». — «Отвѣчайте ему» сказалъ царь египтянамъ. Они отправились на 3 дня. Когда эти дни прошли, а отвѣта не было наготовѣ, они убѣжали,бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники.

Въ третій разъ евреи судились предъ Александромъ съ сыновьями Измаила (арабами).—«Половина Палестины принадлежитъ намъ»—говорили они—«ибо предокъ нашъ Измаилъ былъ сыномъ Авраама (которому Богъ далъ Палестину), такъ же какъ Исаакъ» (отъ которого происходятъ евреи). Опять пошоль судиться съ ними Гевига бенъ Песиса. — «Вы основываете ваши притязанія на словахъ Торы; изъ нея же я докажу вамъ ихъ несправедливость. Сказано въ ней (кн. Бытія, гл. 25): и отдалъ Авраамъ все свое имущество Исааку; дѣтямъ же своихъ наложницъ (къ которымъ относится и Агарь, мать Измаила) Авраамъ далъ подарки и отославъ ихъ отъ себя. Если же отецъ при жизни раздѣлилъ своихъ дѣтей, то развѣ могутъ они потомъ имѣть притязанія другъ къ

¹⁾ См. Берешитъ Раба (талмудическая схолія на кн. Бытія) с. 61.

другу»? Такъ говорилъ Гевига бенъ Песиса. — «Отвѣчайте ему», сказаъ царь арабамъ. Они попросили сроку три дня, но дни эти прошли, отвѣта они не давали; а затѣмъ они также убѣжали, бросивъ засѣянныя поля и засаженные виноградники.

III.

(Тамидъ, f. 31 v.).

Десять вопросовъ предложилъ Александръ Македонскій мудрецамъ Юга¹⁾. — 1) «Что дальше, земля ли отъ неба, или востокъ отъ запада»? спросилъ онъ ихъ. — «Востокъ отъ запада», отвѣчали они, «ибо когда солнце находится на востокѣ или на западѣ, мы можемъ смотрѣть на него (значить, оно тогда далеко отъ насъ); когда же оно находится надъ нашими головами, мы не можемъ смотрѣть на его блескъ (значить, оно тогда ближе къ намъ)»²⁾. — 2) Что сотворено было прежде—небо или земля? — Небо сказано въ писаніи: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. 3) Что сотворено прежде: свѣтъ или тьма? — «На это нѣтъ отвѣта», сказали мудрецы.³⁾ — 4) Кто можетъ называться мудрымъ? — Предвидящій будущее. — 5) Кто можетъ называться героемъ? — Удерживающій свои страсти. — 6) Кто можетъ называться богатымъ? — Довольный своей участю. — 7) Что долженъ человѣкъ дѣлать, чтобы жить (т. е. счастливо)? — Пусть убиваетъ себя (т. е. воздержится отъ излишествъ). — 8) Что долженъ человѣкъ дѣлать для того, чтобы умереть? — Пусть живетъ (т. е. роскошно, широко). — 9) Что долженъ человѣкъ дѣлать для того, чтобы снискать благоволеніе лю-

¹⁾ Подъ именемъ Юга (Доромъ, Негевъ) въ Талмудѣ известна южная часть Палестины, Иудея (Judæa). (См. замѣтку V).

²⁾ Здѣсь есть въ текстѣ Талмуда позднѣйшая вставка, которую я пропустилъ, какъ неидущую къ дѣлу. (См. зам. V).

³⁾ Отчего-жъ не сказали ему, что тьма сотворена была прежде, какъ сказано въ писаніи? спрашивается здѣсь Талмудъ. Оттого, отвѣчаетъ онъ, что они боялись, чтобы онъ не спросилъ ихъ: «что было до сотворенія мира, и что будетъ послѣ его разрушенія».

дей? — Пусть удаляется отъ почестей власти. — «А мой совѣтъ» — сказалъ Александръ — «лучше вашего; пусть добивается власти и почестей, чтобы благодѣтельствовать людямъ». — 10) Гдѣ лучше жить, на морѣ или на сушѣ? — На сушѣ, ибо мы видимъ, что всѣ мореходцы, не успокаиваются, пока не выйдутъ на сушу. — «Кто изъ васъ умнѣе?» спросилъ царь мудрецовъ. «Мы всѣ равны», отвѣтили они: ты видишь, что всѣ мы одинаково отвѣчали тебѣ на твои вопросы». — «Отчего вы мнѣ воспротивились?» спросилъ царь. — «Сатана (т. е. духъ противорѣчія, борьбы) одолѣлъ», отвѣчали мудрецы¹⁾. — Но я велю казнить васъ. — Власть въ рукахъ царя, — но не приличествуетъ царю лгать (т. е. ты обѣщаешь намъ безнаказанность за отвѣты). Тогда царь велѣлъ одѣть ихъ въ пурпурныя мантіи и возложить на нихъ золотыя цѣпи²⁾. И

¹⁾ Смысль этого вопроса и отвѣта довольно теменъ. Вѣроятнѣе всего, что (см. схоліи Магарша р. Самуила Эйдлиса къ этому мѣсту Талмуда) Александръ замѣтилъ тонкія укоризны его поведенію въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ мудрецовъ (что такое геройство, мудрость, богатство, чѣмъ заслужить любовь людей? и др.).

²⁾ У Плутарха (*Vita Allex. LXXXV*) мы читаемъ: когда Александръ былъ въ Индіи онъ взялъ въ плѣнъ десять гимнософистовъ (индійскихъ мудрецовъ), которые были въ числѣ возставшихъ противъ него туземцевъ. Такъ какъ они были известны своей мудростю, то онъ предложилъ каждому изъ нихъ вопросъ, сказавъ имъ напередъ, что велитъ казнить прежде всѣхъ того, который отвѣтить хуже всѣхъ. Самаго старшаго изъ нихъ онъ назначилъ быть судьей ихъ отвѣтовъ. Вопросы были слѣдующіе. — Кто больше численностью, живые или мертвые? спросилъ царь первого изъ 9-ти мудрецовъ. — Живые, отвѣчалъ онъ, потому что мертвыхъ нѣтъ уже. — Море или суши производить самыя большія животныя? — Земля, которой море составляетъ только часть. — Какое животное самое умное? — То, котораго человѣкъ еще не знаетъ. — Зачѣмъ ты возбудилъ противъ меня царя Саббаса? — Для того, отвѣчалъ мудрецъ, чтобы онъ умеръ въ несчастіи, или жилъ бы въ доброй славѣ. — Что было прежде: день или ночь? — День предшествовалъ ночи однимъ днемъ. Когда Александръ усомнился въ смыслѣ этого отвѣта, мудрецъ сказалъ ему: — странные вопросы требуютъ странныхъ отвѣтовъ (см. вопр. 3-ій въ Талмудѣ и прим. 3 пр.). — Чѣмъ можно сдѣлаться пріятнымъ людямъ? — Не поступая жестоко ни съ кѣмъ, даже будучи могущественнѣе всѣхъ. (Ср. вопр. 9-ій въ текстѣ Талмуда). — Чѣмъ человѣкъ можетъ сдѣлаться Богомъ? — Дѣлая то, чего люди не могутъ дѣлать. — Что

сказалъ царь мудрецамъ: «я хочу идти въ страну африканскую». — «Но ты не можешь идти туда», сказали они, «потому что на дороѣ стоять горы Тьмы (которыхъ нельзя перейти). — «Но я долженъ непремѣнно идти туда, и я спрашиваю у васъ совѣта (какъ перейти горы Тьмы). — Возьми ливійскихъ ословъ (привыкшихъ ходить въ темнотѣ) и перевези на нихъ свое войско. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются горы Тьмы, привяжи веревку и тяни ее до тѣхъ поръ, пока минешь царство Тьмы, для того чтобы потомъ по слѣду веревки воротиться назадъ». — Царь послушался ихъ, и пришелъ онъ такимъ образомъ въ страну, которая была населена однѣми женщинами (очевидно, амазонками). Захотѣлъ онъ воевать съ ними. И сказали онъ ему: «для чего тебѣ воевать съ нами. Если ты одержишь побѣду надъ нами, то скажутъ: онъ побѣдилъ женщинъ! (т. е. это не увеличить твоей славы). Если же мы побѣдимъ тебя, то скажутъ: о герой, побѣженный женщинами! (тебѣ будетъ стыдно)». — «Такъ вынесите же мнѣ хлѣбъ» (т. е. въ знакъ покорности), сказалъ царь. Онъ вынесли ему золотые хлѣба на золотыхъ столахъ. — «Развѣ єдятъ люди золотой хлѣбъ? спросилъ царь. — «А если ты хочешь простаго хлѣба, то развѣ его нѣть въ твоей странѣ, что ты пошелъ такъ далеко искать его»? ¹⁾

сильнѣе: жизнь или смерть? — Жизнь, выдерживающая много горестей. — Сколько человѣкъ долженъ жить? — Пока не предпочтеть смерть жизни.

Кто изъ нихъ отвѣчалъ хуже всѣхъ? спросилъ Александръ десятаго мудреца. — Каждый отвѣчалъ хуже своего предшественника — сказалъ мудрецъ. — За такой умный отвѣтъ ты заслужилъ быть казненнымъ прежде всѣхъ, замѣтилъ царь. — Но въ такомъ случаѣ ты не останешься вѣрнымъ своему слову: ибо ты сказалъ, что велишь казнить прежде всѣхъ того, который отвѣтить хуже другихъ. — Тогда царь далъ мудрецамъ подарки и отпустилъ ихъ съ честью.

Сравнивая этотъ разсказъ съ сообщеннымъ въ текстѣ, мы не только замѣчаемъ между ними сходство, что заставляетъ насъ предполагать, что одинъ изъ нихъ послужилъ основаніемъ другому, но послѣ тщательного анализа, въ который неумѣстно было бы здѣсь вдаваться, убѣждаемся, что талмудическій разсказъ происхожденія болѣе древняго, и что онъ послужилъ моделью позднѣйшему плутарховскому разсказу. (См. замѣтку V).

¹⁾ При этомъ мы невольно вспомнили слѣдующій разсказъ Ливингстона. «Когда дикие бывали свидѣтелями опасностей, которымъ подвергаются изъ

Когда царь вышел изъ ихъ города, онъ написалъ на воротахъ его: «Я Александръ Македонскій былъ всю жизнь глупцомъ, пока пришелъ въ африканскую страну, страну женщинъ, и научился у нихъ мудрости».

Во время шествія своего по этой странѣ, онъ сѣль разъ у источника живой воды для трапезы. Были у него соленая рыбка; когда ихъ начали омывать въ живой водѣ, то онъ ожили и уплыли съ течениемъ¹⁾. — «Значить, этотъ источникъ идетъ изъ рая» сказалъ царь и пошелъ вверхъ, пока не пришелъ къ вратамъ рая. Началъ онъ стучаться и кричать: «отворите мнѣ!» Тогда раздался голосъ: «это врата Божіи, въ нихъ войдутъ только праведники!» (Псалмы, 118) — «Но я царь, имя мое славно на всей землѣ, дайте мнѣ что нибудь» (на память, что я былъ здѣсь). Дали ему человѣческій глазъ. Взялъ царь этотъ глазъ съ собою, и когда онъ возвратился въ свою страну, онъ спросилъ мудрецовъ, чтобы это значило, что ему дали простой глазъ, и на что это указываетъ? «Глазъ этотъ» — отвѣчали мудрецы — «есть символъ ненасытнаго корыстолюбія и властолюбія твоего, которыя стараются

за какой нибудь мелкой дичи европейскіе охотники, то они не упускали случая смеяться надъ ними отъ всего сердца. — Развѣ у нихъ нечегоѣть дома? спрашивали они, и удивленіе ихъ увеличивалось, когда имъ говорили, что эти охотники большей частію богатые люди, покинувшіе роскошныя яства, ради скучной дичи въ пустыняхъ Африки. Дикіе никакъ не могли понять этого. Считаю не лишнимъ указать здѣсь также на слѣдующій историческій фактъ, подавшій можетъ быть поводъ образованію сообщенного въ текстѣ преданія. Аболитесь, персидскій вельможа, котораго Александръ сдѣлалъ начальникомъ одной изъ покоренныхъ провинцій, не привезъ къ означеному царемъ сроку провизіи для войска, а вмѣсто нея привезъ 300 талантовъ серебра. Александръ велѣлъ бросить серебро лошадямъ и когда онъ, разумѣется, не тронули его, онъ гневно обратился къ Аболитесу: «За чѣмъ же мнѣ твое серебро?» сказалъ онъ ему, и велѣлъ казнить его. (Plut. Vita. Alex. LXXXIX).

¹⁾ Подобный же разсказъ находится въ одной изъ арабскихъ легендъ о жизни Моисея, собранныхъ д-ромъ Франклемъ въ его сочиненіи: «Aus Egypten». Основываясь на аналогіи съ этимъ преданіемъ, я считаю это мѣсто въ Талмудѣ, (въ которомъ здѣсь приводятся два различныя преданія) такъ, какъ оно переведено въ текстѣ.

подчинить себѣ все, что только завидятъ. Если не хочешь намъ вѣрить, возьми и свѣсь этотъ глазъ противъ всѣхъ твоихъ багатствъ». Царь велѣлъ положить на одну чашку вѣсовъ чудный глазъ, а на другую все свое золото и серебро — и что же? Чудный глазъ перевѣсилъ всѣ несмѣтныя царскія сокровища! — «Теперь» — сказали мудрецы изумленному царю — «положи на этотъ глазъ немнога земли»¹⁾. Царь велѣлъ это сдѣлать — и чашка съ глазомъ тотчасъ упала. (Смерть уносить всю алчность и жадность человѣка).

IV.

(Берешитъ раба, стр. 61).

И сказали хутеи Александру: «берегись, евреи тебя обманутъ и не пустятъ тебя во внутренность ихъ храма, въ Святую Святыхъ». Когда Гевига бенъ Песиса узналъ объ этомъ, то (страшась, чтобы царь не настоялъ на томъ, чтобы его впустили въ Св. Святыхъ, а это запрещено моисеевымъ закономъ) онъ сдѣлалъ для царя драгоценные сандалии, украшенные еще болѣе драгоценными каменьями. Когда царь, въ сопровожденіи его, осмотрѣвъ Иерусалимъ, приблизился къ святой горѣ, на которой стоялъ храмъ Божій, Гевига обратился къ нему и сказалъ: — «О царь, надѣнь эти сандалии» (для того, чтобы не поскользнуться на гладкомъ полу, которымъ былъ вымощенъ храмъ²⁾). Царь осмотрѣлъ весь храмъ. Когда же они подошли къ Святой Святыхъ, Гевига бенъ Песиса сказалъ ему: «до сихъ поръ мы могли вести тебя — дальше мы не смѣемъ проникать». — Раздосадованный царь отвѣтилъ ему: когда я выйду отсюда, я выровню тебѣ твой горбъ» (Ге-

¹⁾ Въ размѣщенному послѣдняго діалога между царемъ и мудрецами я уклонился отъ текста Талмуда, въ которомъ здѣсь очевидныя несообразности. (См. замѣтку VI).

²⁾ По еврейскому закону въ окрестность храма нельзя вступить болѣе. Боясь сказать объ этомъ Александру, чтобы не возбудить его гнѣва, Гевига придумалъ уловку съ сандалиями.

вига, по рассказамъ Талмуда, былъ горбать). — «Если сдѣлаешь это» шутливо отвѣтилъ Гевига бенъ Песиса, «то ты получишь большую плату, и прослышишь великимъ мастеромъ».

V.

(Ванкра раба, с. 27).

Александръ Македонскій пришелъ въ одну страну, лежащую за горами Тьмы. Страна эта называется Карѳагеномъ (?) и вся населена женщинами¹⁾). Вышли женщины къ нему и сказали ему: «ты хочешь воевать съ нами, но подумай: если ты побѣдишь насъ, скажутъ: царь, побѣдившій женщинъ! Если же мы побѣдимъ тебя, скажутъ: о царь, побѣженный женщинами!» Царь послушался ихъ и когда онъ вышелъ изъ ихъ страны, онъ написалъ на воротахъ города: «Я, Александръ Македонскій, былъ глупцомъ, пока не пришелъ въ страну карѳагенскую и не научился мудрости у женщинъ!»

Потомъ онъ пошелъ въ другую сторону, называющуюся Африкой (?). Жители этой страны вышли встрѣтить его съ золотымъ хлѣбомъ, золотыми яблоками и золотыми гранатами. «Развѣ у васъ ѿдѣять золото?» спросилъ ихъ царь.—«Нѣть», отвѣчали они.—«А въ вашей странѣ развѣ не ѿдѣять его?» (Такъ зачѣмъ же ты пришелъ къ намъ).—«Я пришелъ видѣть, какъ вы судитесь, отвѣчалъ Александръ».

Между тѣмъ какъ они сидѣли и говорили такимъ образомъ, двое людей пришли судиться предъ царемъ этой страны. — Государь, началъ одинъ изъ нихъ, я купилъ вотъ у этого человѣка, который пришелъ со мной, пустошь. Началь я рѣтъ въ ней землю и нашелъ кладъ. Говорю я ему: возьми себѣ свой кладъ, вѣдь я купилъ себѣ только землю, но не кладъ! Не правъ ли я, великий государь! Вели ему взять кладъ. — Но лишь только этотъ окончилъ свою рѣчь, какъ другой началъ говорить.—Праведный царь! сказалъ онъ. Я также, какъ и этотъ человѣкъ, боюсь присвоить себѣ чужое добро. Вели ему, о государь, взять себѣ кладъ, вѣдь

¹⁾ См. замѣтку III.

я продалъ ему пустошь и все, что въ ней находится.—Подумавъ немного, царь позвалъ одного изъ нихъ.

— Есть ли у тебя сынъ? спросилъ онъ его.

— Есть, отвѣчалъ онъ,

— А у тебя есть дочь? спросилъ онъ другаго.

— Есть, великий государь, отвѣчалъ тотъ.

— Ну такъ жените ихъ другъ на другъ, и пусть найденный кладъ будетъ ихъ приданымъ.

Тяжущіеся ушли довольные и счастливые. Александръ не могъ скрыть своего удивленія.

— А развѣ я не хорошо разсудилъ ихъ? спросилъ его царь. Какъ бы рѣшили подобное дѣло въ вашей странѣ?

— У насъ, отвѣчалъ Александръ, убили бы того и другаго (тяжущихся), а кладъ былъ бы взятъ въ царскую казну¹). Царь поднялъ глаза къ небу. — Великий Боже, произнесъ онъ. А свѣтить солнце въ вашей странѣ? — Свѣтить. — И дождь идетъ? — Идетъ. — Такъ, вѣроятно, у васъ есть животныя, ради которыхъ солнце свѣтить и дождь идетъ! (Ибо люди, столь грѣшные и неправосудные, недостойны небесной благодати).

Vl.

(Бамидбаръ раба, с. 13).

Рабби Йонна рассказывалъ: когда Александръ Македонскій поднялся надъ землей, то онъ долетѣлъ до такой высоты, откуда вся земля казалась ему шарикомъ, а море тарелкой. Поэтому его изображаютъ съ шаромъ въ рукѣ²).

¹⁾ Здѣсь видны слѣды позднѣйшихъ понятій о неправосудіи язычниковъ (Малхусъ Гаршаа).

²⁾ Изъ самаго оборота рѣчи р. Йоны видно, что преданіе о томъ, будто бы Александръ летѣлъ по поднебесью, было сильно распространено между евреями. О немъ упоминается также въ самаританской хроникѣ, известной подъ именемъ Сеферъ Уошуа (книга Иисуса Навина) (Карме Ширхтейма, стр. 84), а также въ книгѣ, известной подъ именемъ Йосифонъ бенъ Гуріонъ, которую прежде приписывали Йосифу Флавію.

Вотъ все, что сохранилось въ талмудической литературѣ въ древне-еврейскихъ преданіяхъ объ Александрѣ Македонскомъ. Вдумавшись въ эти разсказы, можно впасть въ сомнѣніе въ отношеніи характера народности ихъ происхожденія. Въ нихъ нѣть и слѣда той миѳической грандіозности образовъ, того безотчетнаго благоговѣнія къ всемогущей личности героя-полубога, которыми отличаются героическая сказанія народовъ индо-европейскихъ. Напротивъ, проникнутые духомъ аллегоріи и дидактизма, запечатлѣнныя холодной разсудительностью, указывающей болѣе на историческое, чѣмъ на народное ихъ происхожденіе, они походятъ скорѣе на вымыслы досужаго благочестиваго аскета, презирающаго мірское величіе и человѣческія страсти, чѣмъ на произведенія живой фантазіи народной массы, всегда благоговѣющей предъ гениемъ, даже безразсуднымъ. Такъ оно кажется съ первого взгляда, но болѣе внимательное обсужденіе приведенныхъ сказаній убѣдить насъ въ несостоятельности такого сомнѣнія.

Поэтическія созданія народнаго воображенія всегда носятъ на себѣ характеръ того народа, среди которого они родились. Слѣдовательно, для того, чтобы уяснить себѣ народная еврейскія преданія, мы должны ознакомиться съ характеромъ самого еврейскаго народа. Въ чёмъ же состоитъ сущность этого характера? Еврейскій народъ искони отличался двумя характерными чертами: во-первыхъ, религіозностью—религія легла въ основу жизни и истории еврейскаго народа,—во-вторыхъ, здравымъ сужденіемъ вообще, и житейскою мудростью въ особенности. Раціонализмъ составляетъ основу еврейской религіи (монотеизма), въ противоположность эстетическому характеру религій всѣхъ древнихъ народовъ—политеизма. Но религія, научающая насъ, что человѣкъ самъ по себѣ ничто, что онъ только орудіе въ рукахъ Всевышняго, употребляющаго избранныхъ людей, какъ орудіе же для достиженія Имъ предначертанныхъ великихъ цѣлей—сильно способствуетъ къ ослабѣванію благоговѣнія къ личностямъ героевъ (см. начало этой статьи). Мы убѣждаемся въ этомъ и изъ того, что эпосъ, особенно героическая, никогда не могъ развиться у евреевъ, поэзія которыхъ, по преимуществу, лирическая. Этимъ, да еще тѣмъ обстоятельствомъ,

что народъ, который, подобно еврейскому, вслѣдствіе вѣковыхъ угнетеній сдѣлался миролюбивымъ до трусости, и равнодушнымъ къ жизненнымъ благамъ до стоицизма, не могъ сочувствовать непомѣрной жаждѣ славы македонскаго героя,—объясняется характеръ приведенныхъ разсказовъ и всѣ кажущіяся въ нихъ странности.

Принимая въ соображеніе сказанное, я полагаю, и читатели, надѣюсь, согласятся со мной, что приведенные разсказы суть вполнѣ народнаго происхожденія¹⁾.

Александръ Македонскій до сихъ поръ живеть въ памяти еврейскаго народа, какъ представитель величайшаго героизма, и какъ благодѣтельный геній іудаизма, подобно тому какъ въ его памяти сохранились и теперь имена Навухадносора и Титуса Гараша (злодѣя Тита), какъ-бы представителей злодѣйства и звѣрства, Соломона, представителя мудрости, и Рамбама (Маймонида)—какъ величайшаго медика-чудодѣя всѣхъ временъ и народовъ.

¹⁾ Страннѣе всего это можетъ показаться относительно разсказовъ, сообщенныхъ подъ № 2-мъ. Они кажутся слишкомъ книжными для того, чтобы могли быть произведеніемъ пароднаго духа. Но не должно забывать, что нѣть въ свѣтѣ народа болѣе книжнаго, чѣмъ евреи. Для еврея книга, буква—все, особенно буква закона. Не говоря уже о позднѣйшемъ времени, въ которомъ буква рѣшительно играла первую роль въ умственной и нравственной жизни іудаизма,—еще во времена Талмуда р. Акиба извлекалъ (по выражению Талмуда) цѣлые горы галахъ (религіозныхъ законовъ) изъ каждой юты писанія.